

Надежда Первухина

Имя для ведьмы

Фэнтези • Любовный роман • Юмор

Надежда Первухина
Имя для ведьмы
Серия «Имя для ведьмы», книга 1

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=120764
Имя для ведьмы: Роман: Альфа-книга; Москва; 2012
ISBN 978-5-9922-1290-7

Аннотация

Известный писатель Авдей Белинский, его бывшая жена – ведьма Наташа, и молодая природная ведьма, которая еще только должна получить свое истинное имя. В общем, война между ведьмами до последней капли силы, и у каждой из них вполне серьезные союзники.

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

52

Надежда Первухина

Имя для ведьмы

Памяти мамы

«Она способна опустить небо и поднять вверх землю, иссушить источники, снести горы, вызвать духи умерших... Она может лишить силы богов, погасить звезды и зажечь саму Преисподнюю...»

Я захлопнула «Метаморфозы» Апулея, второй день изучаемые мною на языке оригинала, и с досадой уставилась на свое отражение в неработающем магическом кристалле. Отражение, в свою очередь, воззрилось на меня с нескрываемым отвращением.

– Не вздумай корчить гримасы, – сурово предупредила я его. – А то отдам обратно в эзотерический магазин. У них на кристаллы два месяца гарантии.

Отражение сникло. Его (точнее, меня) можно понять. Сколько ни читай первоисточники, силы и таланта это не прибавит. Только в очередной раз поймешь, что до описываемого профессионального эталона тебе ох как далеко...

Да, я ведьма. Природная. Разумеется, вас это не удивляет. Современный человек относится к таким заявлениям вполне толерантно. Ведьма? О, в вас есть природная эксцентричность и оригинальность! Ясновидящая? Итс бьютифул! Экстрасенс, телепат? Контрамарочку на ваш сеансик не дадите? Это в Средние века (однажды каким-то не бывавшим там идиотом названные темными) к ведьмам относились соответственно. И правильно делали, особенно если речь шла об истинной ведьме. Настоящей. Такой, что и горы сдвинет, и всю преисподнюю подымет. Странно слышать такие заявления от ведьмы? Окажись вы в ситуации, в какую угораздило попасть меня, вы бы еще не то заголосили. Особенно если вспомнить, кто стоит на моем пути... Нет, так повести не пишутся. Нужно обо всем по порядку.

Если говорить о таком понятии, как «ведьмин род», то к развесистому генеалогическому кустарнику нашего семейства оно вряд ли применимо. Впрочем, к стыду своему, я не очень хорошо знаю историю своего семейства. Знаю лишь, что среди моих предков имелись в основном посконные крестьяне Сольвычегодской губернии, одна сельская учительница с несостоявшейся личной жизнью, председатель колхоза «Алый луч», новаторы, доноры и, наконец, знатные доярки. Трудно представить, чтобы моя бабка Полина (как раз из тех самых знатных доярок) устраивала шабаши за коровником или привораживала пьяных механизаторов с помощью эссенции из собачьей крови и лягушачьей икры. Правда, ее, эту мою бабку по материнской линии, считали женщиной с дурным глазом. Это я узнала еще ребенком, когда приехала на летние каникулы отдыхать к бабке Полине в деревню. Мне было тринадцать лет, я впервые поцеловалась с Димкой из десятого «А», с собой в деревню привезла потрепанную книжку Михалины Вислоцкой «Искусство любви» и французский купальник, и поэтому мои поселковые подружки сочли меня «своей», человеком знающим и в какой-то мере опытным. Михалину Вислоцкую мы, правда, вскоре забросили в курятник, потому как читать ее было скучно и непонятно, а картинки, тыщу раз с хихиканьем пересмотренные, тоже надоели. Деревенские мальчишки интересовались исключительно рыбалкой, тяжелой судьбой непобедимых джедаев и новой версией тетриса, поэтому нам ничего не оставалось, как собираться по вечерам в сарае и, зарывшись в душистое сено, рассказывать страшные истории про зеленые глаза на стене и черный-черный утюг в туалете.

Вот тогда-то, между разговоров о колдовстве и нечистой силе, я и узнала от девчонок, что мою бабку Полину в деревне считают *глазливой*... Разумеется, я в это не поверила и все разговоры о том, что моя веселая толстощекая бабулечка может сглазить либо навести

порчу, считала несерьезными. Но, как понимаю теперь, слова эти все-таки имели под собой основание.

Однажды я стала свидетельницей бабушкиной горячей полемики с соседкой Дусей по поводу соседкиного же козла, нашкодившего в нашем парнике. Дуся преступление козла яростно отрицала, и бабка, утомившись предъявлять ей зримые доказательства козлиной вины, в сердцах сказала:

– Все-то ты видела, соседка, все заметила! Хороши у тебя глазки, далеко глядят! Чтоб тебе и дальше так гляделось!

Вечером того же дня под глазом у соседки надулся чудовищный чирей, который пришлось долго лечить. Когда я рассказала об этом поселковым подружкам, те прошептали, что моя бабка сглазила свою врагиню.

Конечно, теперь я понимаю, что примитивный, так называемый органический, сглаз, или *оговор*, может навести любая женщина, окажись она в гневе либо в сильном раздражении. А вот сглаз долговременный, аналогичный порче, требует уже некоторых магических усилий...

Да, так вот, росла я девочкой обычной, предметы взглядом не воспаляла, облака руками не разгоняла, сквозь стены не проходила, внешне обладала хоть и симпатичной, но отнюдь не инфернальной. Единственным отклонением от нормы было небольшое утолщение над копчиком, которое педиатр еще в пору моего детства объявил недоброкачественным рудиментом и посоветовал сделать операцию. Мама вняла совету, и именно ей я обязана тем, что у меня, в отличие от всех природных ведьм, нет хвоста. Кроме того, моей «ненормальностью» были странные сны, где огромные драконы кружили над выжженной вересковой пустошью, в старинных замках устраивали пиршество вампиры, а по освещенным луной лесам мчались вервольфы. Но этим снам я не удивлялась. Почитаешь Сапковского или там Перумова – еще и не то приснится.

А читать я любила! Во всех библиотеках нашего небольшого городка я была завсегда-таем, способным с закрытыми глазами и на ощупь определить, что за книга лежит передо мной. И не зайдя я однажды в библиотеку на Тихой улице, возможно, мои ведьмовские способности так и остались бы нераскрытыми.

Это была поистине *странная* библиотека. И хотя на старых деревянных стеллажах с массивными толстыми полками стояли обычные книги, я отчего-то всем своим естеством ощущала, что здесь все не так, как в обычном книгохранилище. Позднее мои ощущения подтвердились.

Кроме того, я встретила в библиотеке Баронета.

Мне тогда едва исполнилось восемнадцать, я уже успела лишиться девственности, испортить дешевым шампанским свое выпускное платье и не знала, в какой институт поступать. Я как раз поссорилась со своим очередным прыщавым воздыхателем, разочаровалась в любви, жизни и мужчинах, и у меня была масса времени, чтобы сидеть в библиотеке возле полки с рыцарскими романами. Там-то меня и нашел Баронет. О, разумеется, он представился *внешним именем* – Калистрат Иосифович Бальзамов, доктор исторических наук, бакалавр практической этнографии и скромный библиофил. Девушка интересуется средневековым мистическим романом? О, как мило. А знаете, Вика (вас ведь, кажется, зовут Вика, какое славное имя!), одно время я коллекционировал книги мистического и даже оккультного направления... Есть неплохие экземпляры. Не угодно ли посмотреть, я живу недалеко...

Девушка (то есть я) согласилась, находясь под впечатлением глубокого бархатистого голоса, пронзительных глаз и профессорской бородки клинышком. Правда, я пролепетала что-то о родителях и походе в магазин, но ноги в модельных туфлях уже вели меня в квартиру профессора. Номер квартиры, кстати, был пятидесятый.

Если вы думаете, что хитрый стареющий распутник, воспользовавшись моей девической наивностью, заманил меня в квартиру и обесчестил, вы ошибаетесь. В тот момент я не интересовала Баронета как сексуальный объект. Он увидел во мне другое, то, чего еще не видела я. И понял, что надо раскрыть это во мне. Ведь ведьмами не становятся, сколько бы ни говорили о передаче дара или магических школах... Ведьмой все-таки надо родиться. Это как голос или музыкальный слух. Он уже есть, и нужен только хороший специалист, который и вырастит при помощи нехитрых экзерсисов из гадкого утенка Монтсеррат Кабалье. Баронет и был тем самым специалистом, он, как признался позже, давно почувствовал шедший от меня флюид и решил, что со временем я стану неплохим образчиком в его inferнальной коллекции. В его квартире я сразу прикипела к шкафу с редкостными фолиантами – старопечатными, переплетенными в почерневшую от времени кожу...

– Поосторожнее с ними, – усмехнулся Калистрат Иосифович, наблюдая за тем, как я раскрыла экземпляр «Призывания духов» Лайонелла Скиллера. – Это *не только книги*. В них есть Сила...

– Я знаю! – вызывающе ответила я и в тот момент поняла, что действительно *знала*. У меня было ощущение, будто я – многоопытная, познавшая тайны Добра и Зла, могущественная и непобедимая – встретилась с той, какой представлялась окружающим... Мне вдруг стало невероятно легко и бесшабашно-весело. Я с силой захлопнула книгу и расхохоталась. Зачем произносить эти смешные заклинания? Да для того, чтобы вызвать служебного духа, достаточно...

Посреди комнаты полыхнуло синее пламя, и за клубился густой дым. Калистрат Иосифович приглушенно вскрикнул и забормотал что-то на непонятном языке. А я, ошеломленная, успела увидеть в дыму отвратительную морду с ярко-алыми глазами и понять, что честь ее вызова принадлежит мне. Это видение длилось мгновение, а затем, после резкого выкрика Баронета, исчезло.

– Неплохо, – переводя дух, сказал мне Калистрат Иосифович. – Однако всему свое время, девочка. Научись сначала чувствовать себя ведьмой, а уж потом... колдуй.

– Я – ведьма? – глупо переспросила я и услышала в ответ иронический вопрос:

– А тебя это не устраивает?

– Да в принципе ничего... – нервно рассмеялась я. – Профессия как профессия, не хуже любой другой. Хотя вообще-то я мечтала стать библиотекарем.

Баронет внимательно посмотрел на меня. Только тут я заметила, что глаза у него разные: один глаз – человека, а другой – змеи.

– Быть ведьмой – это не профессия, а Ремесло – мягко пояснил он. – Это твое Истинное Лицо. Кстати, хочешь посмотреть?

Он повернул меня лицом к большому овальному окну, за которым сиял день, пробормотал нечто вроде «трансцендентальная апперцепция» и взмахнул рукой. И окно превратилось в зеркало. Из него на меня смотрела я, но только другая – с развевающимися длинными волосами, горящими нестерпимым голубым светом глазами и фигурой, способной лишить профпригодности всех манекенщиц мира.

– Это я?

– Это твое Истинное Лицо. Та, какой ты станешь. Должна стать.

Я вгляделась в свое отражение повнимательнее и поняла, *что* в нем не так. Глаза. Они, казалось, знали все и все ненавидели. Эта ненависть была такой лютой, такой осязаемой и материальной, что ее можно было разливать по бутылкам, как вино. И она, эта красotka, больше всего ненавидела *меня*!

Я задохнулась от злости и, подскочив к зеркалу, что было силы ударила кулаком по презирающим меня голубым глазам. Мэтр даже не успел меня остановить, зазвенело стекло,

и я очнулась. За разбитым окном была все та же улица, а на руке из глубокой рваной царапины у меня текла кровь.

— Горячая девочка... — тихо, почти нежно прошептал Баронет и, взяв мою ладонь, прильнул губами к кровоточащей ране. Его острый, слегка раздвоенный на конце язык щекотнул саднившую кожу. — Я в тебе не ошибся...

С тех пор прошло шесть лет. Не думайте, что я провела их, только и тренируясь в произнесении заклятий, наведении порчи, ворожбе и регулярных полетах на шабаш, хотя все это имело место при попустительстве и неусыпном наблюдении Калистрата Иосифовича. Родители отправили меня в Петербург, откуда я вернулась младшим научным сотрудником и устроилась работать в ту самую библиотеку на Тихой улице. В ней все было не так, как в обычных скопищах нечитаемых книг, которые никак не удосужатся отправить в макулатуру. Днем в библиотеке паслись организованные стада поклонников Фандорина, Бешеного и неистой Анжелики, доводя моих коллег до состояния тихого книгоненавистничества, а ночью... Ночами (когда наступало полнолуние) в библиотеке кипела иная жизнь. Я, распрошавшись с дневными коллегами, устраивалась поудобнее за кафедрой, включала компьютер, вводила одной мне известный пароль и ждала прихода *визитеров*.

Ничего удивительного. Представителям... м-м... магического большинства тоже нужно читать. Хотя бы литературу по специальности. Классику жанра. Ну хоть «Молот ведьм», к примеру. Либо «Демономанию» Бодена, без которой ни одному уважающему себя демо— либо ведьмологу лучше и не браться за изучаемый предмет. Я уж не говорю про те книги, которые являлись настоящим практикумом для любителей колдовства. Впрочем, это еще не самое интересное. Больше всего меня потрясло то, что некоторые книги в полнолуние полностью меняли свой текст! Книги-оборотни — вот как я их называла.

На самом деле таких книг не так уж и много. Но те, что есть, потрясают воображение неожиданно возникающим поверх полиграфического *истинным текстом*. Например, «Манифест коммунистической партии» в полнолуние становился чудовищным по своей похотливости трактатом «О соитии с призраками, бродящими по Европе», а вполне респектабельные рассказы о Шерлоке Холмсе превращались в «Полное собрание заклятий, приводящих мужчин к половому бессилию», издания 1674 года. Самыми забавными, впрочем, были песенники. Во всяком случае, одну песенку я неплохо помню:

Задремал во гробу вурдалак красивенький.
Ох, привольно лежать посередь могил!
Не вбивай ты ему колышек осиновый,
Он ведь вдоволь еще кровушки не пил!

Припев:

А за окном гудит шабаш,
Как ни живи, ты будешь наш!
Мы так близки, что жуть берет,
Гуляй, полуночный народ!

И далее в том же духе... Кстати, о вампирах. Среди полуночных посетителей их было немало. В силу врожденной интеллигентности они безмолвно листали «Прожектор оккультизма» в читальном зале и не скалили зубы на приходящих. Трудней всего работать с оборотнями — они вечно заняты, шатаются по полям-дубравам и забывают возвращать книги в срок. Но, разумеется, элитарной частью нашей читающей публики были колдуны. Варлоки.

Единственным, кто не появлялся в ночной библиотеке, был Баронет. Не было и его данных в компьютере, потому я не могла определить, кто он – маг, оборотень, вампир, кобольд? Но кто бы он ни был, я чувствовала постоянно его незримое, но пристальное внимание к своей особе. Особенно тогда, когда практиковалась в магии.

Возвращаясь к тому моменту, с коего и началось мое повествование, сознаюсь, что ведьма из меня аховая. Но это пока. Что с того, что мне лучше всего удастся лишь трансфигурация (в основном в крыс либо синиц)? Вот с обрядами вызова служебных духов или неупокоенных душ, лишенных христианского погребения, сложнее. А наведением мора на домашний скот и импотенции на мужчин я предпочитаю не заниматься – неэтично. Это неврастенические дамочки, начитавшиеся бездарных книжонок типа «101 совет по привороту и снятию венца девственности», мнят себя прямо-таки ворожеями и каждый свой взгляд трактуют как спаз, а каждый взмах рукой – как пасс. Наивные! Быть ведьмой – не обязательно колдовать, точно так же как быть птицей – не обязательно летать. Спросите страуса, он согласится с этой фразой. Впрочем, спокойное осознание того, что все-таки в любой момент ты можешь продемонстрировать свою Силу, очень греет душу. Особенно когда в очередное полнолуние выбираешься на шабаш.

Традиционно правилом хорошего ведьмовского тона считается прибытие на шабаш на метле. Форма одежды при этом – минимальная. Относительно обнаженности я никогда не испытывала особых комплексов, а вот трястись на неудобной метле, со всех сторон обдуваемой так, что рискуешь схватить пневмонию или цистит, – уж увольте! Я предпочитаю пользоваться услугами такси службы «Антессер»...

РЕКЛАМНАЯ ПАУЗА

Такси «Антессер». Качественно, комфортно, недорого! Оперативно доставим на Брокен, Лысую гору. Шоп-туры за магическими зельями в Альпы и Гималаи. В канун Вальпургиевой ночи скидка 5 %, непосредственным участницам – бесплатно. Тел. (666) 666-66-66.

Шабаш – это не оргия и не пьянка. Во всяком случае, не только. Шабаш – это возможность общения с коллегами по Ремеслу, обмен опытом и, главное, демонстрация своих профессиональных достижений за истекший период. Так сказать, отчет о проделанной работе. К тому же у ведьм появляется хороший повод похвастаться новоприобретенными заклятиями, результатами пластической операции или диеты...

Ведьма – она ведь тоже женщина, и поэтому ей иногда просто необходимо хоть ненадолго отдохнуть от суетливо-шумных, пыльных улиц мегаполисов, или провинциальных городков, либо забытых цивилизацией сел. Может, кто-то и думает, что современная ведьма живет в условиях постоянной экзотики, осчастливлена всеми мыслимыми жилищными и материальными богатствами. На самом деле такое в ведьмовской среде редко случается. И ведьмам приходится жить и довольствоваться тем же, чем и простым смертным: отключенными лифтами, темными переулками (просто какая-то шпана опять переколотила фонари, а каждый раз наколдовывать лампочки – себе дороже), вонючими помойками, благоухание которых в жаркую погоду доводит до депрессии, и, наконец, комарами, от которых не спасают никакие заклятия. Не знаю, где как, а у нас в России ведьма не застрахована ни от поломки сантехники, ни от капризов слесаря, который эту самую сантехнику заявится чинить. Может, колдуньям племени уцлипучетлаурууаха повезло в плане унитазов и слесарей больше, зато навалом других проблем: пыльные бури, скорпионы, снижение поголовья кенгуру и неожиданная потеря потенции вождем племени.

В ночь шабаша ведьма наконец может забыть и про комаров, и про города с помойками, и про протекающую ванну в собственной квартире. Ее ждет гора, как когда-то Наташу Ростову ждал ее первый бал. Гора (либо любое всхолмие, которое ведьмы решили на время сделать достойным шабаша) старательно приуготавливается к торжеству специальными чародейками из оргкомитета. Разрабатывается примерный план мероприятий, концертная программа, меню (все сценарии проверяются лично Козлом, руководителем действия, без его директивы шабаш вообще может не состояться)... В последние несколько лет стало модным украшать гору от основания до вершины цветными, светящимися в ночи китайскими фонариками. А над Замком Козла, где всегда происходят главные торжества шабаша, специалисты по наведению мороков выпускают ало-золотых, изумрудно-серебристых, сиренево-туманных драконов, почти неотличимых от настоящих. Практика приглашения реально существующих драконов на ведьмовские шабаши как-то не прижилась. Видимо, потому, что драконы слишком много едят. И процесс метаболизма у них практически перманентный. А заниматься разгребанием драконьего навоза в ночь, когда хочется просто отдохнуть, выпить, потанцевать, – невероятное кошунство!

Как правило, на простой шабаш съезжаются не все без исключения ведьмы, а только те, кто испытывает в том насущную потребность и не особенно занят какими-нибудь делами по дому. Особенно это касается замужних ведьм. Попробуй-ка полетай на шабаш, когда у тебя то белье не стирано, то мужнин застарелый остеохондроз требует немедленного массажа, то умница-дочка принесла полон дневник двоек и надо идти краснеть на педсовете, борясь с желанием превратить всех этих педагогов в аквариум с рыбками...

Да и как жить, вечно таясь от любимого супруга, страшась признаться в том, что ты ведьма?.. Постоянно быть в напряжении из-за того, что он или под заклинание какое-нибудь попадет, или по пьянке вылакает хранящееся в холодильнике зелье, предназначенное для безболезненного лечения деликатных дамских немощей... Вот во избежание подобных случаев я постараюсь никогда не влюбляться так, чтобы захотеть выйти замуж. Однако лучше я вернусь к теме Прекрасной Ведьмовской Ночи!

Когда я в нынешнем году явилась на шабаш, то с удивлением обнаружила, что здесь оказался весь колдовской и инфернальный бомонд. В воздухе, помимо серы и элитных духов, пахло какими-то новостями. Пожилые, уважаемые ведьмы носились как девочки и пили шампанское прямо из бутылок. Молодые ведьмочки вроде меня, собравшись стайкой нудисток-манекенщиц на пушистых ковриках (ими была устелена вся гора), что-то оживленно обсуждали, не обращая внимания на пылкие заигрывания перевозбудившихся инкубов.

– Благословенна будь, в чем дело? – обратилась я к очаровательной чародейке лет пятинадцати, увлеченно оплетавшей золотыми лентами рога своего козлоногого бойфренда.

– Ты что, с луны низверглась, благословенна будь? – удивилась чародейка, а бойфренд даже приподнял голову над ее бедрами. – Нынче же Ночь выбора Госпожи!

Тьфу ты, как же я забыла... Та самая ночь в году, когда Повелитель Тьмы избирает из всех ведьм, чародеек и колдуний Госпожу, стоит всех шабашей, вместе взятых. Та, которая стала Госпожой, является повелительницей всего колдовского мира, носительницей высшего суда и неограниченной власти. Пусть даже эта власть дается всего на год, но ведь и за триста шестьдесят пять дней можно такого наворотить... Неудивительно, что все ведьмы в сборе. Каждая мечтает о такой славе. Даже я, со своим незначительным талантом.

Я посмотрела на юную чародейку. Вот ей сейчас важен только секс в неограниченном количестве. Правильно, стать Госпожой всегда можно успеть, и к тому же хороший секс никогда не бывает лишним.

– Пойду посмотрю на церемонию Представления Бафомету, – сказала я. – Извини, что оторвала тебя...

– О-о, не извиняйся, а лучше присоединяйся! – страстно прохрипела чародейка (ее, часом, не Лолита звать?), оседлав бойфренда. – Он такой сильный и большо-о-ой! Никакой мужчина не сравнится!

– Нет, я пойду, – непреклонно ответила я и поторопилась убраться подальше. Вот не люблю я inferнальный секс, чем, возможно, разительно отличаюсь от своих сестер по Ремеслу. Попробовала раз-другой – не понравилось. Уж отдаваться, так только мужчине и только по любви. Большой.

Как известно, шабаши традиционно проводятся на какой-нибудь горе, заслужившей дурную репутацию. Так считают непосвященные, на самом деле репутация горы не имеет ровно никакого значения. Но собственно на горе проходит только неофициальная часть шабаша (выпивка, секс, танцы). Все серьезные мероприятия проводятся в Замке Козла, силою магии воздвигающемся над ведьмовским алтарем. Туда, под сияющие золотом, изумрудами и рубинами своды, я и поспешила в толпе прочих гостей. Обстановка, как всегда, потрясала воображение полным отсутствием художественного вкуса. Подвесные потолки были оклеены стодолларовыми купюрами и банковскими карточками VISA. На стенах между тяжелыми хрустальными светильниками красовались гигантские, ручной работы, гобелены, изображавшие вырезанные цензурой сцены из фильмов «Эммануэль», «9½ недель», «Основной инстинкт» и «Мимино». В кадках стояли пальмы, с их резных листьев свешивались змеи, шипевшие похабные анекдоты про Штирлица. Между кресел и столиков, расставленных как в ресторане, били фонтаны из небольших бассейнов, обсаженных штокрозами.

– Небось опять в фонтанах не шампанское, а «Клинское», – под нос пробурчала идущая рядом со мной пожилая ведьма. – Скупердйй наш Козлище, аденома ему в уд!

Народ рассаживался за столиками, при этом стремясь быть поближе к импровизированной сцене, задрапированной алой парчой и черным бархатом со стразами. На сцене стояло обычное кожаное кресло. Правда, кожа на него пошла человеческая. Кому-то не повезло. Возле сцены разместился небольшой оркестр, музыканты которого были обряжены в камзолы и пудренные парики. Впрочем, это не мешало им вовсю наяривать ритм-энд-блюз. Хозяйина торжества еще не было. Ну разумеется. Он прибудет ровно в полночь. По местному времени.

Я уселась за столик справа от сцены и заказала официанту martini и простенький банановый салат. Не люблю думать о том, что деликатесы, которыми всегда изобилуют подобные мероприятия, на самом деле какая-нибудь отвратная мерзость вроде конской спермы или мышиного помета. А бананы – они везде бананы, проверенный факт.

– Не занято, сестра? – Возле столика остановилась высокая брюнетка с потрясающей грудью, эффектно татуированной знаками каббалы.

– Нет, прошу.

– О, ты тоже из России? Тогда познакомимся! – Она уселась, закинув ногу на ногу, и я увидела туфли, о которых могла только мечтать. – Наташа.

– Благословенна будь, Наташа. А я Вика.

– Благословенна будь, Вика, хоть я и не люблю этого старого приветствия. Что мы, старухи из горной деревни? Ну что, выпьем за знакомство?

Тут как раз официант принес мой заказ. Увидев Наташу, он вытянулся по струнке и едва не уронил поднос.

– С-счастлив видеть вас, несравненная, – пролепетал он.

Наташа смерила его *взглядом*.

– Поставь поднос, уронишь, – не разжимая губ, процедила она и, обращаясь ко мне, уже другим тоном: – Ты заказала martini? И... *банановый салат*? У тебя что, проблемы со здоровьем?

– Нет, а почему, собственно...

– Два коктейля «Коитус», трепангов в глине и бифштекс с кровью. Кровь отдельно, – скомандовала Наташа, и официант испарился, будто его и не было. – Сестричка, коктейль рекомендую. Коньяк, текила, денатурат и капелка серы. Настоящий взрыв вкуса!

Официант материализовался и выставил на стол заказ. На меня он даже не смотрел и чуть не опрокинул мой бедный салатик.

– Что еще угодно госпоже? – прошептал он, умоляющим взором созерцая прелести моей новой знакомой.

– Туфли мне оближи. – Она расхохоталась, когда бедолага и впрямь бросился на колени выполнять ее приказ. – Да пошутила я! Поди прочь! Смешной мальчишка, развлеклась с ним как-то, до сих пор находится под впечатлением. Ну, выпьем!

Она лихо опорожнила высокий бокал с коктейлем, крикнула и принялась за бифштекс, приговаривая, что это и есть настоящее питание для ведьмы. Я едва пригубила содержимое своего бокала и горько об этом пожалела. Вы когда-нибудь пили расплавленный свинец? Так вот, свинец гораздо приятнее.

Наташа меж тем разделалась с бифштексом, а я пыталась при помощи бананов восстановить свой пошатнувшийся кислотно-щелочной баланс.

– Нравится мне здесь, – сказала Наташа, вальяжно раскинувшись в кресле и доставая из инкрустированной бриллиантами сумочки платиновый портсигар. – Куришь?

– Нет.

– Зря. – Она затянулась сигаретой. – Ты, наверное, из какой-нибудь глухой провинции...

– Почему ты так думаешь? – чуть нахмурилась я.

– Ты ведешь себя, как скромница, которая боится на приеме у гинеколога ноги пошире раздвинуть. Здесь же полная свобода! Красота! Магия! Я жить не могу без шабашей!

– Просто мне они уже успели наскучить. Всегда одно и то же. Бездарное веселье и непродуманная организация официальной части. Ты заметила, что в последнее время не было ни научных докладов, ни даже интересных сплетен.

– Фу, это же скука смертная!

– Пить просто так еще скучней. Пьешь-пьешь, а потом возвращаешься домой с дикой головной болью...

– И не можешь вспомнить, со сколькими ты развлеклась?! Ха-ха-ха! Понимаю, сама такая. Но в одном ты не права, сестричка. Сегодня не простая Ночь. Сегодня наш Козел изберет Госпожу.

– Да... – протянула я. – Как-то не верится, что столь могущественной Госпожей может стать любая...

Наташа посмотрела на меня высокомерным взглядом:

– Любая? Госпожей стану я! За это я ни перед чем не остановлюсь, поверь мне!

Я пожала плечами:

– Желаю тебе успеха в том, Наташа.

Оставшуюся до полуночи четверть часа мы провели в ничего не значащих беседах, не задевающих щекотливой темы Выбора. Наташа оказалась ворожеей из Москвы (то-то по повадкам она сразу мне показалась столичной штучкой). Колдовством она увлекалась хоть и недавно, зато перечитала все доступные оккультные книги, вела обширную переписку с ведущими колдунами мира и несколько раз ездила на стажировку в Иствик и Челмсфорд. Она считала себя очень могущественной ведьмой, и я не стала ее в этом разубеждать. Не хватало нажить себе врагиню... Хотя я-то уж точно знаю, какие ведьмы получают из *ученых*. Разница между природной ведьмой и ученой примерно такая же, как между женщиной и резиновой куклой. Ну, может, поменьше. Хотя, признаюсь, многие самоучки достигают

больших успехов, нежели мы, магической природой одаренные лентяйки. Интересно, как у Наташи с предсказанием погоды? Я метеорологией не увлекаюсь. Вот что сделала бы сейчас с истинным удовольствием, так это превратилась бы в самку енота-полоскуна и отправилась побродить где-нибудь в глухом, девственном лесу, травку собирать. Не ту, что вы подумали.

Но трансфигурацией уже некогда (да и нельзя) было заниматься. Ибо стрелки на огромном малахитовом циферблате, висевшем над сценой, показали полночь. Оркестр встал и заиграл гимн «Наш Козел в тумане светит». Вслед за оркестром поторопились встать и мы, громкими рукоплесканиями приветствуя высокого, идущего на задних ногах Козла с надвинутой на рога блестящей короной. В руке (руки у него были человеческие) он сжимал мобильный телефон и нервно орал в трубку, поднося ее к уху:

– Че ты гонишь, какие бабки?! Я, в натуре, все налоги проплатил, спи спокойно! Так, партию душ бери оптом, крутой товар. Мне пятьдесят процен... Че?! Ты базар-то фильтруй, я за двадцать пять процентов перед тобой раком стоять не буду! Все, отбой, а то тариф ночной, деньги капаят.

Наконец он уселся в кресло и махнул рукой.

– Садитесь и благословенны будьте!

– Благословен будь, наш господин и повелитель! – взревел зал. Наиболее впечатлительные ведьмы забились в экстазе. Наконец в зале установилась тишина, нарушаемая лишь легким звоном бокалов и шагами официантов. Все ждали, что скажет повелитель. И он сказал:

– Мои драгоценные вершители зла, самоучки черных дел, вносители смут, проклятые и убитые! Радует, в натуре, сердце мое, ибо нас становится все больше и больше, особенно благодаря творчеству писателей-фантастов! Мы конкретные и по понятиям бойцы невидимого фронта, чей бой длится в веках, и нам рано опускать оружие и бросать понты. Но сегодня у нас особенная встреча. Я сегодня изберу ту, которой на целый год вручу Жезл Власти и нареку Госпожой. Внесите Жезл!

Два облаченных в смокинги кобольда внесли на сцену рубиновый поднос, на котором лежал Жезл, окруженный радужным магическим сиянием. По рядам прошелестел вздох завистливого восторга. Козел взял Жезл и встал с кресла.

– Вываю к духам четырех стихий! – громогласно запричитал он и начал чертить в воздухе замысловатые фигуры. – Вываю к Двенадцати, которые держат во власти небосвод. Вываю к Лавею, Боневицу и Ассахаре – убойтесь и воззрите! Белладонна, пустырник, курослеп! Ан-наша, ан-наша, ан-наша!

Перед говорившим соткалось из воздуха призрачное подобие женской фигуры.

– Зрю тебя, зрю! – завопил Повелитель мух. – Изреки свое Ведьмино Имя!

Весь зал накрыло мертвой тишиной. Все ждали, какое Имя прозвучит. Я ощутила, как нервно задрожали руки: а вдруг это будет мое... Хотя нет, я ведь еще не инициированная ведьма. У меня нет Имени. Потому и нет настоящей Силы.

– Омела Салемская! – тихим голосом провещал призрак и тут же рассеялся. А за соседним столиком, опрокинув кресло, нервно вскочила дородная, с длинными рыжими волосами ведьма и бросилась к сцене с воплем:

– Это я, господин!

– Виват!!! – заревел зал, приветствуя новую Госпожу, которая, вне себя от восторга, уже приняла Жезл Власти и корону. Но я не смотрела на Омелу Салемскую. Я смотрела на Наташу, с ужасом наблюдая происходящие в ней метаморфозы. Услышав имя другой претендентки, Наташа побледнела, а ее гордый и самоуверенный взгляд сменился взором такой неистовой ненависти, что даже мне стало не по себе. Московская ворожея смяла в руке свой платиновый портсигар, словно лист бумаги, и затряслась от ярости. Я перевела взгляд на ее ноги и тихо ахнула: она начала трансфигурацию! Ноги, которым позавидовала бы Линда

Евангелиста, превращались в чешуйчатый хвост огромной змеи... Еще минута – и эта аристократка с шипением кинется на всех, кто встанет на ее пути!

Только она не успеет. Закон шабаша суров – во время сего мероприятия ведьма не имеет права превращаться. Нарушительницу ждет немедленная смерть. Не только человеческая, но и ведьмовская, после которой оживление невозможно. И если сейчас увидят, как Наташа превращается... если я не успею ее остановить... что же ты делаешь, идиотка, ведь у меня же нет должной Силы!!!

Я схватила серебряный поднос со стоявшими на нем пустыми бокалами и с силой опустила на голову Наташи. Та истошно взвизгнула, дернулась как от удара током и обмякла в обмороке. Чары распались, и я с удовлетворением отметила, что ниже лобка Наташа снова стала женщиной. Надеюсь, никто не заметил этой сцены. Не хотелось бы, чтобы кто-то задавал мне бестактные вопросы типа: «А зачем это ты ее бьешь, сестра?»

Нас действительно не замечали, ибо разгул в честь новообращенной Госпожи принимал все более оргиастические формы. Коньяк и шампанское лились рекой, некоторые столы уже превратились в ложа бурной страсти, зал наполнился стонами и пьяными песнями. Козел и его протеже наблюдали за всем этим с нескрываемым удовольствием.

Наташа медленно пришла в себя.

– Что со мной было? – слабым голосом спросила она.

– Извини. Ты начала превращаться, мне пришлось остановить тебя.

Ее зеленые глаза мгновенно вспыхнули яростью.

– Как ты посмела?! Зачем ты...

Вот так. Все они, ученые, такие. За твое добро тебя же и по морде бьют.

– А ты предпочла бы, чтоб тебя дважды умертвили за нарушение Кодекса ведьм? Тебе так недорого твоя жизнь?

Наташа сникла.

– Жизнь – ничто, если не имеешь власти, – прошептала она. – Я так стремилась... так мечтала... Я была почти уверена!

Да уж, кому что. Кому сладострастие, кому власть над миром. Я на мгновение задумалась: а чего бы я так страстно домогалась? Да, пожалуй, и ничего на данный момент. Правда, семитомник «Все волшебные травы» мне бы не помешал.

– Знаешь, это ведь только на год, – успокаивающе сказала я. – Потом будут новые выборы, и ты наверняка станешь Госпожой. Во всяком случае, способности у тебя есть...

– Что ты знаешь о моих способностях, девочка?! Да я сильнее любой природной ведьмы. И этой... новоизбранной тоже. Почему Госпожой всегда становится природная? Что это за дискриминация?!

– Не кричи. Между прочим, я тоже природная ведьма.

Наташа посмотрела на меня с уничтожающим изумлением.

– Ты?!

– Тебя это удивляет?

– Да! Меня удивляет, как вы, не знающие даже, что такое Семь путей, Тринадцать знаков и теория Эйнштейна, претендуете на звание ведьм! Вы, никогда не читавшие «De semina diabololum», считаете себя носительницами тайных знаний! Вы, только умеющие варить настойки от поноса и геморроя, мните себя знатоками природного колдовства! Вы...

– Слушай, хватит, а? Я ведь и разозлиться могу!

– Что ты можешь? Что? Не слышу! – торжествующе завопила Наташа и только тут услышала, какая нехорошая вокруг нас образовалась тишина.

– Сестры, у вас проблемы? – осведомился со сцены Козел, поигрывая мобильником.

– Нет, о повелитель! – звонко выкрикнула Наташа. – Просто я вызываю эту женщину на магический поединок! Пусть она докажет, что является настоящей ведьмой!

– Bravo! – зааплодировал повелитель, к нему присоединилась остальная аудитория, предвкушая очередное развлечение. – Вы можете начать прямо сейчас. Я разрешаю. На моем шабаше возможно все. Даже поединки.

– Нет! – закричала я. – Я не хочу с нею драться! У меня даже нет Имени, я еще не прошла инициации...

Остатки моих слов потонули в общем хохоте. Они смеялись надо мной, бестолковой, неталантливой ведьмой, неспособной даже ответить на вызов высокомерной гордячки, начитавшейся магических бестселлеров. Я почувствовала, что краснею, как школьница, закулившая в первый раз...

Да. У меня нет настоящей Силы. Я не зубрю магические трактаты и не экспериментирую в области некромантии, заговоров и любовных зелий. Я всегда считала, что могу прекрасно обойтись и без этого. Я даже на шабаш летала без особого интереса. И теперь я дам себя растоптать первой встречной ведьме-самоучке?!

– Час ведьм, – громко и твердо произнесла я. Это означало, что брошенный мне вызов принят.

Глаза Наташи сверкнули радостью. Похоже, она из тех женщин, которые никогда не упускают самой малейшей возможности поскандальить.

– Оставляю тебе, *природная*, право выбора времени и места, – презрительно сказала она.

– Время я уже назвала, ты плохо слушаешь. А встретимся мы там, где я работаю. Попробуй отыскать меня, *ученая*!

Я встала и свистом подозвала официанта.

– Запишите на мой счет! – приказала я и исчезла, предоставив моей неожиданной сопернице возможность выяснять, где же я обитаю.

После шабаша я всегда появляюсь на работе в подавленном состоянии, заставляя моих дневных коллег строить версии относительно того, чем я занималась всю прошедшую пятницу. Сегодня я с мрачным видом вознамерилась было отправиться в книгохранилище, где меня ожидала неблагодарная работа по ликвидации дублетных экземпляров. Но Леночка из читального зала вдруг сказала:

– Ой, Вика, снимай халат, губы накрась и приходи к нам! У нас сегодня встреча с писателем.

Вот только писателей мне сейчас и не хватало.

– Каким? – вымученно простонала я.

– Фантастом!

– Да что ты говоришь... Ненавижу фантастику.

– Вик, ну приходи, а то у нас половина зала пустует. А он молодой, начинающий, расстроится, подумает, что никому не интересен...

– Ладно, – сказала я. – Но имей в виду, я ему буду задавать каверзные вопросы. Мучить писателей – мое главное хобби.

...Напрасно Леночка сетовала на отсутствие публики. Читальный зал был набит подростками и гудел, как улей в майский день. Я пристроилась за колонной, огляделась и дернула Леночку за жакет:

– И где этот ваш писатель?

– Вон, смотри, идет!

И действительно, в сопровождении моей помешавшейся на фэнтези коллеги Наденьки и трех обряженных в кольчуги и плащи эльфов из Политехнического института двигался мужчина, с первого взгляда показавшийся мне уменьшенной копией памятника Петру Первому работы Зураба Церетели. Во всяком случае, усы точно были похожи. Писатель уселся

за колченогий журнальный столик (столик нервно вздрогнул), эльфы по бокам оперлись на свои магические алюминиевые мечи, а Наденька завела на полчаса высоконаучную речь о значении фэнтези в мировой литературе (в общем) и о значении в мировой литературе творчества Авдея Белинского (в частности).

– Как его зовут?! – шепотом переспросила я Леночку.

– Авдей Белинский. Неужели никогда не слышала? – изумилась та. – Ты вообще хоть что-нибудь читаешь?

К тому, что я сейчас читаю, этот Белинский вряд ли имеет отношение. «Магические изыскания» Дельрио еще никогда не стояли в списке общеизвестных бестселлеров. Но Леночке о том лучше не знать.

– Белинский – это его псевдоним?

– Нет. – Леночка, похоже, уже знала наизусть биографию усатого фантаста. – Он дальний потомок *того самого* Белинского. Между прочим, учился в Литературном институте. Три курса. А потом...

– Отчислили за пьянку и растление молодых сокурсниц?

– Тьфу на тебя! Просто он решил писать фантастику, он этим с детства увлекался.

– И что, получается?

– Вик, ты иногда становишься просто невыносимой. Возьми почитай его романы, они все есть у нас в библиотеке, между прочим. «Стрела с Прозвищем», «Смиранный лендлорд», «Год распутной Инезильи»... Мне нравится его пародия на японские теленовеллы «Братишка из Рая». А еще «Седой хам» и «Мой муж – ангел».

– Да, впечатляет... Хорошее название – залог успеха. А скажи, пожалуйста...

– Вик, дай послушать, а? Человек из Москвы к нам ехал выступать!

– Извини. – Я сама попыталась сосредоточиться на речи московского гостя.

И через некоторое время поняла, что на самом деле он страшно волнуется, боится всей этой горластой аудитории, ненавидит свой парадный костюм от Гуччи и дико хочет курить. Мне стало его жалко. А еще... почему-то захотелось увидеть, какого цвета у него глаза.

Я бесцеремонно протиснулась в первый ряд между двумя увлеченно жующими «Сти-морол» пацанами и уселась как раз напротив писателя. Пожалуйста, не думайте, что я принялась сверлить его *особенным* взглядом и доводить до неврастения. Тем более что при ближайшем рассмотрении писатель оказался вполне симпатичным мужчиной несолидного возраста и телосложения. Было в нем то, что я называю интеллигентной хрупкостью (то есть отсутствие бугрящихся под малиновым пиджаком анаболических мышц и нависающего над старыми джинсами пивного живота). Впрочем, внешность для мужчины – не главное. Особенно если учесть, каких представителей противоположного пола мне нередко приходилось встречать. Хотя... У этого потомка неистового критика, кажется, на лбу было написано, что он романтик, помимо прозы грешит стихами, всем видам оружия предпочитает шпагу, а всем видам транспорта – чайный клипер. Цвет его глаз я определила бы как благородно-нефритовый... Хороший цвет. Мне нравится.

Покончив с основными биографическими вехами своей многотрудной творческой карьеры, писатель глотнул минеральной водички и предложил «молодежной аудитории» задавать ему вопросы. Я профессиональным взором окинула зашуршавший бумажками зал. Знаю я их всех, этих подростков, – сплошные прыщи и поллюции... На абонементе коллеги с ужасом рассказывали, что детишки просили им выдать повесть Гоголя «Вечера на хуторе лесбиянки», «Дедку Мирона» итальянского автора Боккаччо и «Пахом звонит в колокол» американского писателя Хемингуэя... Все рекорды побили «Приключения Гербалайфа», в которые нынешние детки трансформировали «Приключения Гекльберри Финна». Так что какие вопросы они сумеют задать? Даже интересно.

Подняла руку девчонка, я ее неплохо знаю. Точнее, знаю ее читательский вкус. Она просто помешана на мистике, пророчествах, грядущем Армагеддоне и экспансии Чужих на грешную Землю. Она и одета соответственно – на черной майке оттиснуты во всю грудь незабвенные Скалли и Малдер. «О, X-files женщины, нам милой...»

– Скажите, пожалуйста, – строго сведя густые бровки, заговорила девочка. – Вот вы, писатель-фантаст, пишете о том, чего в жизни быть не может...

Писатель посмотрел на девочку с веселым изумлением, но ничего не сказал...

– А сами вы верите в разные мистические явления? – гнула свою линию девочка. – В иные миры... И еще: как вы относитесь к пророчествам великих астрологов прошлого? Вы верите, что Нострадамус действительно предсказал все то, что сейчас происходит?

Писатель посерьезнел как-то, подтянулся, будто собрался отвечать урок, и сказал:

– В вашем возрасте я тоже интересовался всем этим, да и сейчас задерживаю внимание на каких-нибудь газетных сенсациях... Но мне кажется, всерьез увлекаться дешевой мистикой не стоит. Я, пожалуй, даже прочту вам стихотворение на эту тему:

Зачем вам этот Нострадамус?
Ужели вы не пострадались,
Слепым пророчеством крутя?
Зачем вам в цифровом обличье
Судьба на глиняной табличке?
Зачем же, милое дитя?!
Что вам пророчества и войны?
Умейте смерти ждать спокойно.
Сумейте жизни не проклясть...
А мудреца в халате драном
Считите просто вусмерть пьяным
И разобиженным на власть...

Стихотворению поаплодировали, «мистическая» девочка покривила губками: мол, много эти писатели понимают. А я подумала, что писатели понимают слишком много. Как он этого лжепророка-то приложил! Тот небось в своем очередном метемпсихозе от злости аж переворачивается...

– Господин Белинский, а над чем вы работаете сейчас?

...Ах ты хитрая нимфетка! Задаешь вопрос дяде-писателю, а сама только и думаешь о том, как он оценит длину того, что ты называешь юбкой. Терпеть не могу таких половозрелых озабоченных девиц. Именно они и летают на шабаши, чтобы всяким козлам отдаваться. А это роняет престиж Ремесла... Но подобные мысли разом вылетели у меня из головы, едва я услышала, что ответил Белинский на вопрос нимфетки.

– Я сейчас пишу роман о ведьме. Ведьме, которая живет в современном мире и способна не только колдовать, но и влюбляться, ревновать, страдать, как обычная женщина. Перефразируя Карамзина, скажу: это будет роман о том, что и ведьмы любить умеют.

По аудитории прокатился понимающий смешок, а я скептически поджала губы. Ишь ты... На что замахнулся. Прямо второй Апдайк!

– Нет, вы представьте, – воодушевился меж тем писатель. – Вот она, ведьма, обладает волшебной силой, может превращаться в кого угодно, знает будущее... И мечтает о том, чтобы выйти замуж за обычного человека, рожать ему детей...

– Что же в этом особенного? – задал вопрос кто-то из галерки.

– А это пока творческая тайна. Скажу только, что за счастье моей героине предстоит здорово бороться со всеми силами Зла.

Ну, молодец. Что нынче за мужик пошел – подавай ему вместо женщины боевую мобильную единицу: чтоб и с конем на скаку, и в избе горящей, и в огороде, и в хороводе. Нет самому бы за меч взяться!

– А почему именно ведьма? – Новый вопрос от дотошных читателей.

Фантаст пожал плечами:

– А почему нет? Для меня ведьма ассоциируется с чем-то стихийно-романтическим. Вспомните булгаковскую Маргариту – сколько страсти! Мне кажется, нашему миру как раз и недостает такой романтики и страсти...

Много ты понимаешь в ведьмах! Интересно, совокупление с демонами ты назовешь страстью? А наведение порчи и составление приворотных зелий – романтикой?! Дилетант!

Я вдруг поняла, что самым натуральным образом злюсь на этого писателя за его непробиваемую наивность. За то, что он никогда не сможет вместе со мной посмеяться над очередной пьяной выходкой какого-нибудь оборотня на шабаше. За то, что он смотрит на мир слишком просто и здраво. Наверняка он и в постели стандартен, как штангенциркуль. И женщин предпочитает соответствующих... Ведьмы? Что ему за дело до ведьм?! Если б он знал ведьм так, как знаю их я...

Если б ты узнал ведьму...

УЗНАЙ МЕНЯ...

Я готова поклясться, что никогда не пользовалась чарами приворота. Никогда не внушала мужчинам быть от меня без ума. И я внутренне ахнула, когда внезапно взгляд Авдея встретился с моим.

А глаза его могут менять цвет...

А глаза ее могут менять цвет...

Если бы он говорил только для меня...

Я говорю только для тебя...

Меня зовут...

Я знаю, Вика...

Откуда?

По-другому и быть не могло.

Я тряхнула головой, пытаюсь отогнать наваждение. Вика, Вика, тебе что, других проблем недостаточно, ты еще и влюбиться решила? Надо думать об инициации, о поединке с ведьмой Наташей, которую мне явно не стоило спасать, а не об...

Авдей.

Странное имя.

А главное, редкое...

Для писателя-фантаста в самый раз...

Черт знает что лезет в голову!

Я встала и, даже не глядя в сторону Авдея, быстро двинулась к выходу. В книгохранилище. Срочно. Если я посмотрю на этого ведьмолога еще хоть пять минут, проблемы будут не только у меня, но и у него. А мне бы этого не хотелось.

Прощай.

В книгохранилище я уселась за стеллажом со старыми подшивками «Вопросов философии» и позволила себе пятиминутную тихую истерику. Мне было о чем поплакать. Точнее, о ком. Я все-таки не только ведьма. Ничто женское мне не чуждо. Ну что случилось бы, если б я дала волю чувству?!

...О, как ты заговорила, прямо любовный роман из серии «Экстаз»! Дать волю чувству... Ничего хорошего из связи стандартного мужчины и ведьмы еще не получалось. В лучшем случае это был развод, а в худшем – донос мужа на жену с последующим сожже-

нием благоверной на костре. Это если взять такую крайность, как брак. А если просто... романтический вечер при свечах...

С ведьмой это не проходит, потому что ведьма умеет видеть мысли (а мысли мужчины считаются так же легко, как заголовки «Спид-инфо»), предугадывать едва оформившиеся желания. И устраивать затяжные ритуальные эротические игры со взглядами, вздохами и двусмысленными фразами ей просто скучно. На собственном опыте знаю.

Чтобы отвлечься от чересчур мрачных мыслей, я взяла в руки потрепанный «Спутник агитатора» и решила почитать его *истинным зрением*. При таком чтении он превращался в «Дайджест магических услуг» с постоянно обновлявшейся рекламой. Иногда стоит поизучать рекламу, это здорово успокаивает нервы и возвращает с небес на грешную землю.

«Алтари для Черной мессы от производителя:

- стационарные
- переносные
- подарочные
- новинка сезона – алтари-компакт!

Огромный выбор аксессуаров (более 665 наименований):

- сушеные органы рептилий
- экскременты млекопитающих
- ядовитые травы и грибы-галлюциногены
- оккультные пособия
- и многое-многое другое!

Оптовикам – специальные цены. По пятницам 13-го – скидка 13 %. Для постоянных клиентов – доставка».

Так, ну это мне неинтересно. Посмотрим, что новенького в разделе «Косметические услуги».

«Косметический салон «Боневитцъ» предлагает широкий спектр услуг:

- операции по купированию хвостов
- опиливание рогов
- педикюр копыт.

Специальное стоматологическое предложение для вампиров:

- удаление налета
- наращивание и полировка клыков (гелевая технология)
- устранение трупного запаха изо рта.

Все виды эпиляции для вервольфов.

Работают дипломированные специалисты.

Красота – это страшная сила!»

Нет уж, благодарствую. Что-то я совсем скисла. Частные объявления почитать, что ли...

«Срочный ремонт ступ. Тел. 13-13-13».

«Сперма черного козла. Недорого. Звонить на пейджер...»

«Стильные руки мертвецов и магические свечи из натуральных ингредиентов. Звонить после полуночи...»

«Некромент Вассиан Безрогий, убойный отдел, окажет услуги по поиску сбежавших зомби...»

«Долгожданная моя, откликнись! Страстный, пылкий дракон со всеми удобствами мечтает встретить прекрасную юную девственницу для проведения незабываемого вечера на его территории...»

«Услуги суккуба. Интим не предлагать!»

В хранилище слышались шаги. Я скоренько захлопнула справочник и изобразила бурную деятельность по упаковке макулатуры.

– Вот ты где, – констатировала Леночка. – Почему со встречи ушла? Писатель, между прочим, про тебя спрашивал...

– И что ты ему сказала?

– Сказала, что ты не его поклонница.

– Это правильно.

– Ага. Только он какой-то грустный со встречи ушел. Все, говорит, вечером еду в Москву.

Странная штука – сердце. Как могут в нем уживаться две абсолютно противоречивые эмоции – непонятно.

– Счастливого пути, – только и сказала я.

В общем, день безнадежно испорчен. Хорошо, хоть впереди выходной. Плюну на все, в полночь работать не выйду, отправлюсь в какой-нибудь второсортный бар и буду там пить водку. До умопомрачения. А потом поймаю какого-нибудь мальчика с машиной... Я ведьма, черт побери, и не обязана жить как праведница!

Только моим планам на вечер не суждено было осуществиться. Потому что когда я вышла из библиотеки, то увидела его.

– Давай пойдем куда-нибудь... У вас в городе есть приличные рестораны?

– Ты полагаешь, женщина моей профессии часто их посещает?

...О святая Вальпурга, какое счастье! Он меня дождался! Мне безразлично, что случится впоследствии (если быть предельно откровенной, то не совсем), и я ощущаю за плечами крылья, в душе – симфонию, а в сердце – подступающую тахикардию.

– Почему ты так на меня смотришь?

– Это отражение твоего собственного взгляда.

– Да уж... Сразу понятно, что ты писатель.

– А я еще и поэт.

– С ума сойти! Мне крупно повезло.

Мы пили крымское вино в маленьком шумном ресторанчике «Виктория» и отказывались воспринимать окружающую действительность. На столе в блюдечке плавала свеча (вот, все-таки я докатилась до вечера при свечах!), и мне представлялось детство с его наивным святочным гаданием.

Ряженный, суженый, приди ко мне ужинать...

– О чем ты задумалась, Вика?

– О тщете всего сущего...

– О чем?!

– Извини. Налей мне еще вина. Ты не опоздаешь на поезд?

– Нет. В смысле, я никуда не поеду.

Ага. Куда бы мне засунуть свое предвидение, а?

– Уверен?

– Да. Думаю, с гостиницей сложностей не будет...

Это что же, мне, скромной женщине интеллигентной профессии, самой делать первый шаг? Хитрый какой! И не надейся даже...

– А зачем гостиница, – говорю я в пространство и залпом допиваю вино.

Мы не зажигали светильников, постель нашли на ощупь, опрокинув по дороге пару стульев и старинный индонезийский кувшин с журнального столика.

– Какие тонкие у тебя руки... Смотри, сквозь них просачивается лунный свет. Ты похожа на фею.

- А ты видел фей?
- Нет, только читал.
- На самом деле они жу-у-у-ткие уродки, можешь мне поверить.
- Верю безоговорочно. Иди ко мне. Ну, пожалуйста...
- Неужели ты еще не устал?

Вместо ответа он притягивает меня к себе, и я закрываю глаза, чтобы не видеть, как в глубине его зрачков вспыхивает огонь. Я почему-то стала бояться огня.

Небо – первое впечатление
После той бесконечной тьмы...
Как я жил в таком отдалении
От тебя, земли и зимы?

Да, я жил на каком-то острове,
Вероятно, созданном мной.
Там нелепое все и пестрое,
Как бывает поздней весной...

Просыпаться на плече внезапно ставшего бесценным человека и вслушиваться, как он шепчет стихи, – немыслимая, по моим понятиям, роскошь. Это со мной?

Что я натворила...

И зачем?

И что будет дальше?

Я лежу, всеми ресницами изображая крепкий здоровый сон, а сама стремительно прокручиваю в голове варианты наших дальнейших отношений.

Вариант 1. «Дорогая (дорогой), нам было так чудесно вдвоем, я никогда не забуду этого. Но прости, дела, нам надо расстаться. Пиши, звони (напишу, позвоню)». Дерьмо!

Вариант 2. «Дорогая, у меня никогда не было такой женщины, то-се, но, понимаешь, у меня пятеро детей и жена, хоть я ее и ненавижу...» От продолжения тошнит.

Вариант 3. «Дорогая, ты великолепна, и я без ума от твоей фигуры, но я не создан для блаженства, его чужда душа моя...» Правдоподобно, но очень уж стандартно.

Вариант 4. «Дорогая, умоляю на коленях: будь моей женой! Если ты откажешь, я похороню себя в ближайшем монастыре, а согласишься – буду счастлив до конца дней своих. Так я бегу за кольцами?...» Вы в это верите? Я тоже не верю.

И вариант последний, на мой взгляд наиболее реальный. Отпустить его. Стереть из его памяти события прошедшей ночи (уж это-то мне по силам, заклятие Мемории я частенько использовала, чтобы начальство не приставало по пустякам). И он уедет, свято убежденный в том, что после встречи с литературными фанатами проскучал весь вечер в гостиничном номере перед телевизором. И никогда не узнает ведьму Вику... Никогда не полюбит. Потому что ведьму нельзя любить.

А как я буду жить без него?..

Здесь есть странные птицы Божии,
Что не сеют, не ткут, не жнут.
Здесь луна золотистой кожицей
Затянула уснувший пруд.

По ночам я брожу средь запахов
Тех цветов, что цветут во сне.

Я восток здесь путаю с западом,
Что до этой разницы мне!

Я люблюсь беспечной силою
Красоты, меня взявшей в плен...
Это вовсе не сказка, милая,
Это все мне – тебя взамен.

Нормальные женщины в таких случаях пускают слезу и городят нечто сентиментальное. Но мне это запрещено. Я открываю глаза.

– А я знал, что ты уже не спишь, – говорит Авдей.

Объясните, пожалуйста, грозная ведьма Вика, куда подевалась ваша решимость? Почему вы теряетесь, как девочка, и смотрите влюбленным взглядом на мужчину, с которым решили расстаться?

– Подглядывал за мной, да? – беззлобно ворчу я.

– Интересно было наблюдать, как ты напряженно о чем-то думала. Прямо-таки глобальные проблемы решала...

Ты и не представляешь, милый, до какой степени ты прав.

– Тебе показалось. – Я улыбаюсь. Легко и открыто. Есть у меня такая специальная улыбка – полгода тренировки перед зеркалом сделали ее неотразимой. – Я хочу гулять. Весь день.

– Ну, как угодно...

– Я поведу тебя по городу, он старый, но красивый. Мы заберемся в крепость, там прямо в древних башнях выставлено всякое оружие – мечи, шпаги, алебарды... Рыцари средневековые гуляют. Так забавно! Тебе понравится... А еще мы обязательно пойдем в парк, там такие кони, я люблю кататься, мы возьмем коляску и поедem, как чопорные англичане... – Я тараторю все это, стремительно одеваясь, мечась по комнате вихрем, не давая ему и рта раскрыть. А он растерянно сидит на кровати, похожий на усталого скворца. Вот только жалости нам еще и не хватало...

– Вика...

– Что? – Я роняю тушь, и она закатывается под кровать. Черт с ней, так и пойду с одним ненакрашенным глазом. – Что?

– Скажи, зачем тебе это нужно?

Хороший вопрос, что бы он ни означал.

– О чем ты, Авдей?

– Тебе было плохо со мной? Ты скажи... Мне просто кажется, будто ты хочешь от меня избавиться...

В твоих же интересах, любимый, в твоих же интересах!

– Нет, все не так, Авдей. Поверь мне. Пока. И пожалуйста... давай все-таки пойдем гулять.

А я и не замечала, что в городе наступила весна!..

Можно сказать, я вообще не замечала этого города. Мне были безразличны его дневные грязные улицы, украшенные рекламными щитами – плодом творчества дизайнера с алкогольной зависимостью. Мне были чужды толпы суетливых и озлобленных людей, вечно спешащих, хмурых и хронически усталых. Просто я знала, что дневное уродство – расплата за ночную роскошь и красоту. Ночами я наблюдала этот город *истинным зрением*, и он становился разным в зависимости от того, какой зодиакальный знак главенствовал на небе. Овен погружал город в пьянящую истому карнавалов и фейерверков, которые устраивали духи

огня. Рыбы начинали сезон дождей, и тогда из водосточных труб высывались лукавые мордочки маленьких русалок, а в городском фонтане на главной площади плескался пузатый водяной, похожий на розового тюленя... А Дева приводила с собой целый взвод вампиров, коим был присущ элегантный декаданс. Среди ветвей тополей и каштанов зажигались ароматические свечи. А наследники графа Дракулы декламировали Бодлера и Эдгара По, сидя на крышах многоэтажек, и однажды даже поставили спектакль в развалинах недостроенного драматического театра. Ставили, между прочим, «Синюю птицу» Метерлинка, что свидетельствует о неуклонном повышении интеллектуального и эстетического уровня современных упырей.

Но такого Авдею не увидеть. Он создан для солнечного света, для дневных, обыденных человеческих радостей. Что, впрочем, тоже немало. Разве этого мало – видеть весну?

Мы удалялись из современного, блестящего супермаркетами центра в глушь застроенных деревянными домиками улочек, осененных благодатью зазеленевших вишневых садов. Здесь царила патриархально-самоварная обстановка, пахло свежееиспеченными блинами, кудахтали куры, худые взлохмаченные козы оценивающе смотрели нам вслед... Авдея это веселило: как всякий квартирный московский человек, он полагал, что вся земля уже заасфальтирована и подключена к сети Интернет.

– Зачем ты сюда меня потащила? – влюбленно улыбаясь, вопрошал он.

– Эти улицы для меня связаны с... искусством, – говорила я. В действительности здесь жили три сестры-ворожеи, у которых я долго училась основам травознания. И, идя среди провинциальной тишины, я стремилась созреть для заклęcia. Хотя в глубине души осознавала, что просто оттягиваю время. Бессмысленно и бесполезно. Авдей должен меня забыть. И забудет!

Потом мы гуляли в старой крепости, оставшейся от городских первопоселенцев. Надо сказать, первопоселенцы постарались на совесть, выстроив эти мощные стены с узкими бойницами, круглыми угловыми башнями, крутыми лестницами. Из старой кладки пробивались бледные стебельки мать-и-мачехи, в Тайницкой башне гулял весенний ветер, шевелил обертку от «Сникерса»...

– Тебе здесь нравится?

– А можно я отвечу, что мне нравится везде, где есть ты?

– Можно. Писатели вообще живут штампами.

– И при этом ужас как на них наживаются. Вика, не ешь меня, я тебе еще пригожусь. За что ты так не любишь пишущую братию?

– Я? Не люблю? Я, по-твоему, всю ночь читала «Критику чистого разума»? Так, хватит, не лезь мне под юбку. Мы что, студенты архивного института – заниматься любовью в стенах исторического памятника? Или ты хочешь, чтобы здесь повесили памятную табличку: «Здесь такого-то числа...»

Он смеется и зажимает мне рот рукой. Смеется, а глаза грустные, как у щенка, который боится, что в любую минуту его, с улицы подобранного, на улицу и выгонят. Не бойся, милый, это скоро кончится.

Я ведь помню слова заклинания.

Я ведь сделаю это.

Не хочу.

В крепости нарастает шум. Гудят трубы, и сразу вслед за этим гнусавым звуком слышны вопли, как на стадионе.

– Террористы? – спрашивает Авдей и изображает панический страх.

Мы выглядываем из башни. Поле внутри крепости заполнено народом, разделенным на две категории: нормальные люди и ряженые. Нормальные люди сидят и стоят по краю утоптанного поля, пьют пиво и вопят, подбадривая ряженых. А ряженые, в смысле – одетые

в разношерстные доспехи и бряцающие самодельным холодным оружием, собираются продемонстрировать нормальным людям, на какие подвиги способен клуб любителей старины, кроме плетения кольчуг из алюминиевой проволоки.

– О, тут будет битва! – азартно восклицает фантаст (эх, не зря я подумала, что его любимое оружие – шпага). – Малыш, пойдем смотреть!

Малыш? Я всегда предполагала, что вцеплюсь в физиономию тому, кто осмелится так меня называть. Не вцепилась. Иду, улыбаясь, смотреть на бой. Что любовь с людьми делает, а?

Бой был впечатляющим. Мы уселись на притащенное кем-то бревно рядом с увлеченно глодавшими воблу парнями и узнали от них, что «эти козлы из «Серебряного грифона» бросили вызов нашим крутым пацанам из «Викингов». От «Грифона» выставили лоха по кличке Мерлин, у него шлем туфтовый, на клею, а меч ваще из фанеры». Зато «Викинги» выпустили на бой Илюху-берсерка, он противника уделывает за пять секунд – отскребать приходится.

– Да, – резюмировал Авдей. – И не подумаешь, что здесь кипят такие средневековые страсти. Илюха-берсерк – это тот, что с термосом на голове?

Я зашипела:

– Не иронизируй, а то побьют. Сам ты термос. Мальчик шлем клепал-клепал, а ты...

Авдей смотрит на меня невинным взглядом. Ничего, скоро взгляд станет другим – безразличным и пустым.

А пока – бой.

Нет, они все-таки неплохо дрались. Сознаюсь, пару выпадов я даже переняла бы, хоть и прошла отличную школу у одного из *ночных* посетителей библиотеки. Это был оборотень и жуткий дуэлянт, владеющий всем мыслимым холодным оружием. «Леди, – сказал он мне. – Люди лгут, когда говорят, что бриллианты – лучшие друзья девушки. Лучший друг девушки – рапира. Поверьте, вам пригодится». И я не стала отказываться от его уроков. Мы фехтовали в читальном зале, проносясь сквозь стены и столы, как две стремительные тени. Правда, пока мое искусство владеть клинком неостребовано...

А если появится Наташа?

Ну нет! Я подумаю об этом завтра! Завтра, когда Авдей будет уже далеко...

А сейчас он рядом и держит мою руку в своих ладонях, и шепчет мне на ухо всякие очаровательные флиртующие фразы, и его дыхание тепло щекочет мне ухо... И в соответствии с канонами сентиментального романа меня должны захлестнуть волны нежности и жалости. Не захлестывают. Не для того я родилась женщиной, чтобы стать бабой.

Мой разум остер, беспощаден и холоден, как скальпель патологоанатома. Без этого невозможно толково совершить заклинание, оно просто не сработает. Итак...

Эллоахим-ин-на...

– УРА!!!

Кругом победный вой и беснование. Что за черт... А, все понятно, пока я вспоминала, как быть ведьмой, закончился поединок между прославленным берсерком и жалким Мерлином. Причем победил именно жалкий Мерлин, чем и вызвал такую бурю восторга. Святая Вальпурга, даже мой возлюбленный скачет и рукоплещет как оглашенный! А я зажмурилась от острого приступа головной боли. Соратники по Ремеслу меня поймут. Творить магию в момент мощного всплеска чужеродной ментальной энергии – все равно что поигрывать зажигалкой возле бензоколонки.

– Милая, тебе нехорошо?! – Авдей стискивает меня за плечи.

Черт, неужели я так бледно выгляжу?

– Нет, все нормально. – Я открываю глаза и стараюсь улыбнуться.

– Точно?

– Абсолютно.

– У тебя глаза печальные, Вика. Может, тебе скучно? Чем тебя развлечь?

Меня как черт дергает за язык.

– Ступай, сразись за мою честь. Я твоя Прекрасная Дама или кто?

Ну что я прискребаюсь к любимому человеку? Выставляю его посмешищем в собственных глазах! Ну какой писатель нынче мечом махаться станет...

– Хорошо, – легко говорит Авдей. Встает и кричит ряженым: – Вызываю сэра Мерлина на братский поединок за честь моей прекрасной королевы Виктории.

Вот это да!

Я рта не успеваю раскрыть, а Авдей уже на площадке, поигрывает чьим-то одолженным мечом. Рядом с ним Мерлин-лох и еще пара бравых парней с безразмерными плечами. Народ шумит, предвкушая новое зрелище, а у меня скулы сводит от страха. Конечно, я понимаю, убить – не убьют, но ведь синяк заработать можно легко. Дура я.

Ой дура...

Как можно отказывать себе в счастье быть рядом с таким мужчиной?!

Он фехтовал, как будто танцевал, хотя даже я видела, что меч у него дрянь, с неправильным балансом и неудобной рукоятью. И Мерлин неожиданно ему сдался, а после боя пожал руку и, кажется, спросил, какой у Авдея разряд... Тот засмеялся в ответ и пошел ко мне.

– Вы довольны, ваше величество? – церемонно кланяется он, а в глазах у него такое... постельное сумасшествие, что мое предательское тело начинает сладко ныть.

– Пойдем домой, – одними губами приказываю я.

...Мы не идем, а мчимся. Повезло кувшину – он медный и не страдает от очередного падения со столика.

– Да что это за одежда, столько пуговиц...

– Молчи...

– Не могу молчать! Ты такая...

– Описания оставь для романов. А сейчас просто люби меня.

Над нами сгущались тучи. В прямом и переносном смысле. За окнами стало по-вечернему сумрачно, по стеклу расплылись крупные капли.

– Первый весенний дождь, – сказал Авдей, стоя у окна.

Я лежала и смотрела на него. Я видела в нем то, чего еще не осознавал он сам. Он уже далеко, он в дороге. К своей Москве, своему ноутбуку с начатой повестью. К своему дому, который никогда не станет моим.

А может, я зря так? Ну встретились люди, понравились друг другу. Чего бы им вместе-то не быть? Можно ведь и не признаваться Авдею в своей ведьмовской природе (он, кстати, даже шрама над копчиком не заметил). Отменить полеты на шабаши, магию не творить, об инициации вообще не думать...

Только кем я тогда буду?

Для того чтобы быть птицей, необязательно летать. Но только если из птицы сделать чучело, какая же она будет птица?

Я родилась ведьмой, я стала ею. Может быть, если и рассказать Авдею, он поймет и даже восхитится. Но что-то мешает мне это сделать. И я не могу понять что.

– Авдей, – окликаю я. – Ты уедешь сегодня?

Он оборачивается:

– С чего ты взяла?

– Ты уедешь сегодня. Ведь тебе действительно пора.

– Едем со мной.

– Это нереально, ты же сам понимаешь. Ну, было... Но ведь надо как-то жить дальше...

Какие идиотские я говорю фразы! Ну а что мне еще-то выдать напоследок?

Может быть, это – последнее лето Господне,
С криками ласточек, ливнями, пеньем берез...
Мы ощутили такое впервые сегодня,
Поняли вдруг, что и мы умираем всерьез.

Кончились праздники. Тянет полынью от неба.
Стали суровыми, буднично смотрят леса...
Все я один не у дел. Все я думаю – мне бы
Самое светлое, нежное Вам написать...

– Авдей, не надо... Ну чего ты добивался, чтоб я заревела, да?! Тебе ведь уже на вокзал пора. Опоздаешь на экспресс, вообще не уедешь.

Он прижимается ко мне.

– Вика, почему мы такие дураки? Боимся сказать друг другу... Хорошо, я первый. Ты мне нужна. И я обязательно приеду, как только разберусь с делами. Ага?

– Ага, – вздыхаю я. Нет, не полюбит он ведьму. Слишком правильный. И не простит мне ночных полетов и гулянья нагишом перед всякой мужеподобной нечистью. Некоторые мужчины в таких вопросах крайне щепетильны.

На вокзале мы, кажется, ухитрились привлечь внимание всех отъезжающих, ожидающих и бомжей впридачу – очень уж активно целовались. Когда объявили прибытие экспресса, я тайком облегченно вздохнула: мне хотелось, чтоб все это поскорей кончилось. Хуже нет ждать и провожать.

– Я позвоню тебе! – крикнул Авдей, уже скрываясь в вагоне.

– У меня нет телефона... – прошептала я.

Теперь это не важно. *Мой разум... острый как игла...* состав дернулся... колеса натужно поворачиваются... он стоит у окна... *холодный разум...* экспресс набирает ход... *холод...* он в окне... *холод...*

Посыл.

Эллоахим-ин-на-стаарх-нроэн

Эллоахим'р-моон-ла-ар

Моон-ла ир-эрон...

Забудь любовь и гнев, имя и лик, день и мир, связанный со мной...

Сильное все-таки заклинание.

Только оно не имеет обратной отдачи. *Я забыть не смогу.*

Утром в понедельник я позвонила от соседки на работу и, сказавшись неожиданно заболевшей, выпросила еще один выходной. Я не хотела никуда идти и никого видеть. Было тошно. И чтобы раз и навсегда покончить с меланхолическими мыслями, я применила сто-процентно помогающее быстродействующее средство под названием «Генеральная Уборка Плюс Большая Стирка».

Посреди комнаты неистовствовал пылесос, на балконе ежились перепуганные ковровые дорожки, а в ванной отмокали тяжеленные портьеры, не стиранные мною уже лет пять. Постельное белье (то самое, на котором) я безжалостно прокипятитила в перегонном кубе для магических зелий.

Предоставив своей бытовой технике самой справляться с порученным ей кошмаром, я вытащила из книжного шкафа все имеющиеся в наличии магические фолианты, прихватила кристалл и разложила все это хозяйство на кухонном столе со словами:

– Хватит отлынивать! Пора готовиться к инициации!

– Вот и я так думаю, Вика...

Я обернулась, содрогнувшись от ужаса и неожиданности. Передо мной стоял Баронет и интеллигентно улыбался.

– Как? Вы здесь... – прохрипела я, едва справляясь с управлением личного адреналинового потока.

– Ты не умеешь ставить охранные заклятия, – пожал плечами старый библиофил. – И личного демона у тебя пока нет. Сколько раз предлагал: заведи, заведи...

– Их кормить нужно, демонов, а кем, соседями, что ли?

– А хоть и соседями. Разве они представляют какую-то ценность? Просто деликатная ты женщина, Виктория. Себе во вред.

– Возможно, – кивнула я, – но это не является поводом к столь бесцеремонному вторжению даже... для вас.

– Не сердись, детка, на старого холостяка. – Он элегантно поцеловал мою руку. – Сколько лет не виделись. Не скучала?

– Некогда было.

– А ворожить тоже недосуг? Ох, учил я тебя, учил... Ладно, это разговор отдельный. Проводи-ка меня в свою гостиную.

Мэтру нельзя не повиноваться. Он оценивающим взглядом окинул уборочную страду в моей гостиной и изрек:

– Потеря любовника – хороший повод навести порядок в квартире. Да, Вика?

Я так и села на диван. Баронет счел это приглашением и незамедлительно пристроился в кресле напротив, материализовав в пальцах два хрустальных шарика. Это была его привычка – при всяком серьезном разговоре вертеть эти шарики в руке. Шарики стеклянно зазвенели, в них зажглись переливчатые искры...

– Откуда вы знаете про... Авдея? – Произнести имя человека, который наверняка меня забыл, было нелегко.

Баронет приблизил ко мне лицо, и я снова убедилась в том, что один глаз у него змеиный – холодный, немигающий и блестящий, как драгоценный камень.

– Я знаю о тебе все, моя дорогая. Я же как-никак тебя открыл и переживаю за твои успехи и неудачи всей душой.

– А у вас есть душа?

– О, Вика, как ты могла сомневаться... Душа у меня сентиментальная и очень влюбчивая. И весьма ревнивая. Я не хочу, чтобы какой-то человек завладел женщиной, которую я оставил для себя.

О как! Кажется, события принимают интересный оборот.

– Мнение женщины вы при этом спросить не удосужились? – сурово прищурилась я.

– Каюсь... – склонил голову Калистрат Иосифович. – Самонадеянно уверился в том, что ты никого мне не предпочтешь. Кажется, ошибся.

– Ошиблись. – Моим голосом можно воду замораживать. – Вы для меня всегда были наставником, но не более. И я хочу, чтобы такое положение вещей сохранялось и дальше.

– Понимаю. Мне следовало соблазнять тебя раньше, до того момента, как ты влюбилась в этого мальчика.

– Нет. Я и тогда отказала бы.

– Уверена? – еще обаятельнее улыбнулся Баронет и, протянув руку, погладил меня по щеке.

И я почувствовала, что этот соблазнитель может свести с ума любую женщину. Теперь я понимаю, о какой опасности сладострастных помыслов говорилось в средневековом трактате «Очарованный мир»: это случается, когда некая часть твоего тела думает вместо головы, и причем гораздо быстрее. Нет, такая постановка вопроса меня не устраивает. Я резко поднялась с дивана и сказала:

– Сожалею, но у меня другие планы на сегодняшний день.

И для пущей убедительности взяла в руки шланг от пылесоса.

– Гордая ты ведьма. Только бездарная. Тебе не хватает Силы, ты прекрасно это знаешь. И без меня ты эту Силу не получишь.

– Это почему?

Я услышала смех Баронета. Смеялся он странно – не размыкая губ...

– А ты книжечки-то магические почитай, Вика. Узнай, как ведьмам Имена достаются. Бесплатно ведь ничего не делается. А как сообразишь что к чему – вот его ко мне пошлешь...

Баронет уронил с ладони на журнальный столик крупную темную каплю. Ударившись о лакированную поверхность, она зашипела и превратилась в небольшую гадючку.

– Это Сервлет, мой любимый малыш. Он присмотрит за тобой...

– Убери отсюда своего шпиона, слышишь! – завопила я.

– Не надо так грубо, Вика. Я ведь могу и обидеться... – кротко проговорил Баронет и пошел к двери.

Я двинулась за ним, горько сожалея о том, что у меня нет под рукой подходящей шаровой молнии. У самой двери Баронет повернулся ко мне своим змеиным глазом и сказал:

– Хорошо, что ты догадалась использовать заклинание Мемории. Предусмотрительно. Иначе мне пришлось бы ставить цистерны с горючим на пути следования поезда с твоим возлюбленным. Столько лишних людей погибло бы...

– Как ты мог... – только и прошептала я, чувствуя такую ярость, что глаза заслезились.

– Любовь способна на многое, – усмехнулся Баронет.

– Любовь?!

– И еще, дорогая. Москва – очень криминальный город, ты же знаешь. Опасности подстерегают на каждом шагу. Это я так, к слову. До скорого свидания, Вика...

И он прошел сквозь запертую дверь. А я сидела в прихожей на ящике для обуви и ревела, и тряслась от страха за Авдея, и понимала, что отныне спокойная моя жизнь кончилась.

Мир стал черно-белым, с желтоватым табачным оттенком, словно старый дагерротип. Я часами бесцельно бродила по шокированной уборкой квартире, спустила в унитаз весь запас волшебных трав (кому-то с нижних этажей придется вызвать сантехника) и под горячую руку расколотила свою любимую чашку. На чашке была нарисована толстая улыбающаяся крыса, игриво вопрошавшая: «А кому сейчас легко?» Мне-то уж точно легко не было.

Бездарная ведьма!

Да.

Именно так.

И не потому, что толком не знаю заклинаний.

Потому, что не смогла постоять за свое первое настоящее чувство.

О какой ведьме собирается написать Авдей? О той, что будет сражаться за свое счастье? Это уж точно не обо мне.

Но я же хотела как лучше...

А взамен получила истекающего похотью старикана, который отнюдь не тонко намекает на свои серьезные по отношению ко мне намерения... Только его еще и не хватало.

Я, кстати, сразу после ухода Баронета захотела сжечь гадючку по кличке Сервлет, но она, сволочь, куда-то уползла. Искать не хотелось, черт с ней. Какой смысл за мной шпионить? Разве что Авдей вернется...

Но это невозможно.

К полуночи я окончательно спятила от своих мрачных размышлений и решила, что лучшим средством спасения от них будет выход в ночную библиотеку.

Когда я просочилась сквозь три закрытые на амбарные замки двери, то увидела в сборе всю свою полуночную читающую публику. Та приветствовала меня ровным гулом голосов и сразу засыпала запросами.

Подбирая литературу для некромантов, беседуя со знакомым вампиром о последней статье в «Прожекторе оккультизма» на тему общих тенденций в современной вампирографии, я почувствовала себя в своей стихии. Вот и весь мой ведьмин талант – проводить обзоры прессы для тех, кому прогрессивное человечество давно вбило бы осиновый кол в грудь.

Я запустила компьютер и решила позаниматься регистрацией вновь поступивших читателей. Хотя я и ведьма, к тому же ведьма с разбитым несчастной любовью сердцем, а учет и контроль прежде всего. За небрежность в документации наша начальница, банши на пенсии, такой вой подымет, что хоть беги.

Так, где у меня стандартный образец ночного читательского формуляра? Ага, вот:

ФОРМУЛЯР ЧИТАТЕЛЯ

Фамилия (не обязательно)

Имя

Истинное Имя (только с согласия читателя)

Год рождения

Год смерти

Год посмертной инициации (только для некротирующих лиц)

Биологический вид

Вид пребывания (для оборотней)

Род занятий

С правилами библиотеки ознакомлен, обязуюсь выполнять

Подпись (если возможно, то кровью).

Только вот на Баронета такого досье нет, хотя он наверняка не раз и не два бывал здесь посетителем, причем в мое отсутствие. И все равно следил за мной, за каждым моим шагом. Мерзавец!

Он знал обо мне все, я же знала только его внешнее имя, титул-прозвище и то, что он разбирается в волшебстве лучше любого чародея. Среди знакомых мне ведьм и колдунов он производил впечатление налогового инспектора среди бизнесменов, позабывших вовремя подать декларации о доходах. И почему я думаю, что, не будь Авдея, я не согласилась бы стать любовницей Баронета? Скорее, наоборот. Приятно сознавать, что тот, кто тебя... тобой обладает, обладает еще и неограниченной властью. Часть которой, кстати, можешь получить и ты.

А теперь я сижу и не знаю, что делать, являя собой классический образчик безмозглой женщины. Возлюбленного лишилась (причем сделала это сама и сознательно), могущественного врага, набивающегося греть мне постель, – приобрела. В отличие от всех остальных безмозглых баб, имеющих на такие жизненные случаи легион подруг, советниц и утешительниц, я давно лишена удовольствия общаться с ними. Не с кем мне советоваться. И плакаться в чью-то жилетку тоже не получится.

Я отключила программу регистрации и вывела на монитор свой любимый бесконечный пасьянс. Это была игра на любителя. Никто находящийся в здравом уме и твердой памяти не станет ломать голову над раскладом, в котором масти ежесекундно меняются, как им вздумается.

– Доброй полуночи, Вика...

Я вздрогнула (что-то часто я стала вздрагивать). Но, оказалось, напрасно. Это был мой старый знакомый оборотень-дуэлянт. Если так дела пойдут, я скоро и от безобидной коллеги Наденьки с ее эльфами шарахаться начну.

– А, это вы, Мулен Руж... Доброй полуночи. Рада вас видеть.

– А уж как я-то рад! Верите ли, милая Вика, так устал от своих метаморфоз, что не чаял, когда снова приму облик, в коем преимущественно читаю. Есть ли что новенького?

– Вам по специальности или так, для души?

– Ой, пропади она пропадом, моя специальность, один радикулит с ней! Верите ли, простыл тут намерз, так и лапы ломило, и хвост прямо-таки отваливался! Нет, вы мне что-нибудь *человеческое* дайте.

– Про Гарри Поттера не хотите почитать?

– А это что за зверь?

– Да не зверь, а так, вундеркинд-волшебник. Очень сейчас популярен у *дневной* публики.

– Хм, возьму. Автор из *наших*, не знаете?

– Нет, не похоже...

– Ну и хорошо. А то наши очень уж нудно пишут, читаешь и зеваешь. Помню, читал как-то одного, по фамилии де Сад. Никакого художественного чутья и знания жизни.

– Вполне вас понимаю.

Мулен Руж как-то особенно взглянул на меня и вздохнул.

– Вика, я, конечно, не имею права быть таким навязчивым, но... у вас все в порядке?

– Я плохо выгляжу?

– Верите ли, Вика, я знаю вас не первый год, и вы никогда не появлялись на рабочем месте со столь небрежным макияжем. Мне кажется, вы чем-то расстроены.

Я опустила голову.

– Да. Но это очень личное.

– И все-таки... Может быть, я сумею вам помочь? Раньше вы никогда не отказывались от моей помощи.

– Раньше я не боялась быть откровенной и доверчивой.

Мулен Руж уговорил-таки меня отправиться с ним в скромный кабачок «На улице Вязов». Несмотря на название, кабачок оказался респектабельнейшим заведением, в котором даже монахиня-кармелитка могла бы попить чаю без ущерба для своей нравственности. Самым крепким напитком здесь был кофе. Мы заказали турецкий вариант этого напитка и уселись за самым дальним столиком, дабы не привлекать внимание.

– Я даже не знаю, с чего начать, – неловко улыбнулась я.

– Давайте начнем с того, что мне известно. До сего дня я считал вас, Вика, порядочной, талантливой ведьмой с милой внешностью и нешуточным интеллектом. У вас не было врагов, а друзьям (к коим я смиренно отношу свою недостойную персону) вы предпочитали не навязывать лишний раз свое общество, хотя это зря...

– Теперь все изменилось. Во всяком случае, у меня появились враги. Целых два.

– И?... – проницательно потребовал продолжения Мулен Руж.

– И... я полюбила человека. Просто *человека*.

– Появление врагов с этим как-то связано?

– Да... одного. Он... ну, мой враг, несколько лет наставлял меня в практической магии, потом исчез. А позавчера я встретила Авдея...

– *Человека* так зовут?

– Да. Я влюбилась. И это ужасно! Совершенно мне не свойственно. Впервые так серьезно, понимаете? Я даже хотела оставить ведьмовство, чтобы быть с ним. Но... потом поняла, что без магии не смогу. И не захотела создавать ему проблем. Зачем ему ведьма? Разве обычных женщин мало...

– И что вы сделали? – Голос моего собеседника слегка посуровел.

– Заклинание Мемории. Он уехал, тотчас забыв, что я вообще когда-то была в его жизни. Только мне без него плохо!

– Извините, Вика, но вы дура, – вздохнул Мулен Руж.

– Правда? – обрадовалась я. – Я и сама так подумала.

– Я это к тому говорю, что только круглый дурак отказывается от своего счастья! Чего вы испугались? Что он разлюбит вас, узнав про ваши... наклонности? Напрасно. Могу привести вам массу примеров из жизни моих друзей и просто хороших знакомых. Есть уникальные межвидовые пары, например, он человек, она вампир. Живут душа в душу, представьте себе! Или он оборотень, а она... ох, ради всех демонов преисподней, только не плачьте!

– Не говорите мне ничего-о-о! Я больше жить не хочу-у-у!

Он захлопотал вокруг меня:

– Вот, попейте-ка водички, наговорная. От габровских знахарей. Сейчас вашу депрессию как рукой снимет. Можно ли так нервы запускать?..

Я выпила газированной с охлаждающим мятным привкусом воды и впрямь почувствовала себя более уверенной в завтрашнем дне. Я еще повоюю. Или... мы?

– Ну вот, – удовлетворенно усмехнулся Мулен Руж. – Продолжим?

– Да.

– Итак, ваш Авдей уехал, и тут...

– Появился мой бывший наставник, предлагая мне себя в несколько ином качестве. Это сопровождалось намеками на то, что если я и дальше буду несговорчива, то, во-первых, что-нибудь случится с Авдеем, а во-вторых, я не пройду инициации, так и оставшись *безымянной* ведьмой. А я не хочу! Не хочу этого уродца со змеиным глазом, хотя многие были бы просто в восторге от такого любовника...

– Погодите, как вы сказали? – неожиданно перебил меня Мулен Руж. – Со змеиным глазом?

– Да, а что...

– Он случайно не просил называть его Баронетом?

– Именно так.

– Костюмы носит исключительно в бронзово-зеленой гамме?

– Но, черт возьми, как вы...

– Милая Вика, – тихо и проникновенно сказал бесстрашный оборотень, так что у меня мурашки побежали по коже. – Спасайтесь. Знаете, кто этот ваш похотливый старичок? Вы когда-нибудь слышали об Огненном Змее?

Слышала ли я! Огненный Змей – символический предел эротических мечтаний любой колдуньи либо ведьмы. Все они просто жаждут отдаться ему, сгорая в пламени его страсти. Во всяком случае, так пишут люди в книгах о ведьмах. Правда, мнения самих ведьм они почему-то при этом не спрашивают.

– Значит, Баронет... – прошептала я.

– Огненный Змей. Объявился через столько-то лет... В последний раз он, говорят, очаровал трех ведьм из Богемии, с последующим их сожжением. Было это, кажется, в 1538 году.

Вердикт Семи Великих Матерей-Ведьм наложил на него запрет. Он не должен был исходить из преисподней, иначе поголовье ведьм сойдет на нет. Как видите, запрет нарушен.

– Что же мне делать? – Я сидела ни жива ни мертва. Лучше бы уж мертва. Надеюсь, в качестве зомби я потеряю сексуальную привлекательность.

– Вам необходимо скрыться. И как можно скорее сообщить в Трибунал Семи Великих Матерей о факте появления Огненного Змея.

Габровская наговорная водичка подействовала. Меня разобрал смех.

– Допустим, – сказала я. – Допустим, я донесу в трибунал и даже стану свидетелем обвинения. Но раз я имею дело с таким могущественным противником, жить мне с момента подачи доноса три минуты, не больше. Куда я скроюсь? Уеду в деревню, в старую бабкину избу, где потолок мухоморами зарос да полы прогнили? Скрываться у подруг бессмысленно. Подруг у меня нет, а если б и были, не хочется их подставлять. Кроме того, Баронет может повредить Авдею... Да я даже в собственной квартире уже не могу быть в безопасности! Баронет оставил там своего шпиона...

– Какого?!

– Да так, змейку мелкую. Этот гаденыш теперь, наверно, будет следить даже как я в туалет хожу.

– Погодите-ка, я не понял... У вас нет домашней защиты от непрошенных гостей?

– Я же неинициированная ведьма. Заклятие защиты мне еще неподвластно.

– Ах да... Но так продолжаться не может! Тут я вам помогу. У меня есть знакомый ведьмак из Киева, защиты ставит просто непробиваемые. К нему даже корпорация «Майкрософт» обращалась. Мы ему прямо сейчас позвоним, он быстро прилетит и устроит дело за полчаса.

– *Прилетит?*

– Парнишка любит старину, летает на метле, которая досталась в наследство от бабушки. Ну что, не будем терять время?

Мыкола-колдун (а он просил называть себя именно так!) действительно прибыл в течение сорока минут после звонка моего неожиданного сторонника. Я только диву давалась: один, как настоящий «новый русский», названивает на сотовый, другой лихо подкатывает из далекого Киева на метле... Метла, кстати, была не такая уж и старомодная, с дистанционным управлением и прибором ночного видения. Черенок украшала лента с надписью «BROKEN FOREVER». Это я все не слежу за технической революцией, а она уже проникла в самые магические слои населения.

Мы ждали Мыколу как раз у входа в кабачок, чтобы всем вместе, смело и решительно, двинуться на защиту моей квартиры.

– От яка гарненька дивчинка попала в негоду, – сокрушенно сказал Мыкола после взаимных приветствий. – Який недолик!

– Что-что? – вытаращила глаза я. – Мулен Руж, я ведь по-украински не понимаю.

– А тут и понимать неча, – за оборотня ответил Мыкола. – Хреново дело, говорю!

У порога моей квартиры он сделал нам знак остановиться и резко втянул носом воздух.

– Чую, – прошептал он. – Сильное чужеродное ментальное поле. Направленное воздействие на ауру... Ой, лышенько, какие чакры-то незащищенные! Так, а эта слабенькая порча к вам, Вика, отношения не имеет. Это соседка с нижнего этажа свекровь свою пытается со света сжить... Ладненько, надо идти.

Едва касаясь двери, ведьмак указательными пальцами обеих рук начертил замысловатый знак Общей Безопасности. Знак несколько секунд радужным узором повисел в воздухе и растаял, оставив напоследок легкий аромат дихлофоса.

В прихожей нам втроем было тесновато, но мы с Мулен Ружем терпеливо ожидали, пока Мыкола заговорит все четыре угла входной двери плюс замок и дверной глазок. Я слушала украинизированную версию заклятий и сожалела о том, что до сих пор неспособна на такое же. Ну чем этот ведьмак лучше меня?! Посмотреть не на что. Белобрысый, длинноногий, костлявый, нос бульбой (на кончике алым светофором горит чирей). Борода висит кло-чьями. Шаровары подвязаны кушаком, а из-под них выглядывают армейские ботинки вроде тех, что надевал славный парень Рембо. Поверх обязательной рубахи в петухах наброшена куртка, вся в стальных шипах и заклепках. Байкер... Нет, метлайкер!

Но мне грех говорить о нем плохо. Он такое дело делает, которое спасет мне жизнь. Если, конечно, защита устоит супротив Огненного Змея.

– Пошли дальше, – скомандовал было Мыкола, покончив с дверью, но вдруг ринулся в туалет. Мы – за ним и увидели следующее зрелище. Ведьмак бросился к унитазу, засунул в него руку по самое плечо, пробормотал что-то сквозь зубы и с торжествующим криком извлек на свет ту самую гадючку, которую столь любезно оставил мне Баронет.

– Вот он, вирус поганый! – засмеялся Мыкола,дохнул на гадючку пламенем, а оставшийся пепел аккуратно ссыпал в мятую пачку из-под «Парламента».

– А если Баронет узнает... он сказал, это его любимый малыш... – боязливо пробормотала я.

– Ни хрена! – жизнерадостно обнадежил меня Мыкола. – Я еще тут трошки пошукаю и виртуального змейка создам. Ну, морока. Не отличить.

Он сбросил вымокшую куртку на пол в прихожей и тщательно помыл руки, причем мыло достал из кармана собственных брюк.

– Мыло наговорное? – тоном знатока спросила я.

– Та ни... Просто антибактериальное, с триклозаном. Мало ли какую гадость подцепишь, – пояснил ведьмак из Киева и отправился творить чары в гостиную, где его уже поджидал Мулен Руж.

– А що это, доню, оселя у тэбе яка обмежена! – фамильярно заявил Мыкола, осматривая критическим взором мои апартаменты. Критиковал он, видимо, только на родном языке.

– Чем богаты, батюшка, тем и рады! – в тон ему заявила я.

– Чого не волхвуешь, чого гаєшься? Дивчинам та жалмеркам долю наворожити, мужика присушити – перво прибыльно дило! Запанувала бы яко та прынцесса Диана!

– Не люблю я гадать, да и не обращается ко мне никто. В городе есть какие-то специ-алистки по проблемам женского счастья, к ним все и идут.

– Ха! Специалистки! Да рази ж ты не ведьма природная?! Давай-ка эмигрируй к нам до Киева, у нас там природные нарасхват. Щоб мене больше сала не исть!

– Спасибо за приглашение. Я подумаю.

Мулен Руж деликатно покашлял.

– Мыкола, ты того... Дело делай, а не мову розмовляй. Сам, чай, видишь, у девушки проблема серьезная, не до светских разговоров ей теперь.

– Не москаль, розумію... Да щоб найкрайше охопити сию роботу, мне надо мудровати не однаково! – развел руками Мыкола и, видя мои несчастные глаза, спросил: – Свечи в доме есть?

– Стеариновые?

– Ой, лышенько! Я ворожу или шо? Ты видьма или хто? Черного жиру свечи, покойницкого! Да травы давай, вот по списку: пивзєя обыкновенная, урыльник беспочвенный, крохобор полевой. Шукай!

Ну не дура ли я?! Все свои гербарии погубила. Может, еще что осталось?..

– Я сейчас, на кухне поищу. Я мигом!

Уф, ура... Не до всех запасов добрались мои карающие руки. В старом керамическом горшке с притертой крышкой я обнаружила несколько холщовых мешочков, перевязанных старыми резинками. Мешочки пахли, как стог июльского сена, и мне неожиданно захотелось в деревню. Может быть, и впрямь все бросить, уехать к развалинам бабушкиного дома и попробовать там, среди полей, огородов и силосных ям наладить свое непутевое бытие? Отрекомендуюсь потомственной целительницей, стану пользоваться людей травами от ревматизма и запоев... Есть, кстати, у меня и кое-какие фитотерапевтические разработки, перед которыми даже знаменитая «Виагра» бледнеет. Бабы деревенские мне благодарны будут, рождаемость резко повысится... А оплату за свои праведные труды попрошу производить продуктами натурального хозяйства. Чем не жизнь? Всегда будут на столе молоко, творожок, телятинка парная... Фрукты, овощи, огурчики, поми... Нет, только не помидоры, ненавижу с детства! Яйца свеженькие, хотя нет, яйца я тоже не ем принципиально, опасаясь повышения уровня холестерина. Домик мне отремонтируют отзывчивые поселковые мужики с крепкими, надежными, заскорузлыми руками... Правда, предварительно мне придется этих самых мужиков вывести из запоя. Зато вечерами, когда усталое солнце будет медленно опускаться в тихие воды заросшей ивняком реки, я буду сидеть у окошка, лузгать семечки и обсуждать с соседками подробности последней драки между Васькой-механизатором и Петькой-коновалом. Идиллия. Пастораль.

А еще можно согласиться с вариантом киевского ведьмака и стать ведьмой в ближнем зарубежье. Только... Все такие размышления больше похожи на трусость. Не буду я бояться. В конце концов, я ведь могу и обряд вызывания Последнего Героя совершить, чтоб узнать от него время собственной смерти. Все природные ведьмы имеют в этом вопросе преимущество и почти все знают, сколько им отпущено. И поэтому абсолютно бесстрашны перед лицом самых различных катаклизмов, начиная от мировой революции и кончая эпидемией кариеса.

– Вика, что так долго?! – кричит Мулен Руж.

– Иду.

Ведмак поразвязывал все мешочки, из трех достал невзрачного вида сушеные травы и сложил их в большое хрустальное блюдо, вытасченное из серванта без моего на то согласия. Я не стала возражать, а то совсем некомпетентной меня сочтет. Уже и так с магическими свечами опозорилась, а сколько раз себе напоминала: зайди в магазин, купи!

Из небольшого замшевого заплочного мешка Мыкола извлек пять черных дурно пахнущих свечек и, начертив мелом прямо на ковре гексаграмму, расставил свечки в ее вершинах. Шестая, свободная вершина была *ходом*, куда скроется все изгоняемое из моего дома зло. В центре гексаграммы поместилось блюдо с травами. Мыкола внимательно посмотрел на кучку травы, и та незамедлительно загорелась зеленоватым пламенем.

По гостинной за клубился дым, все свечи неожиданно вспыхнули, и пламя их было черным. Мне стало не по себе.

«Учись, дура, учись, – мысленно шипела на себя я. – Смотри теперь, как настоящие специалисты работают».

– Вика, на колени, – негромко скомандовал Мыкола. – *Куда?! Напротив хода*, сущеглупая!

Мулен Руж, дабы не мешать процессу, деликатно удалился в угол комнаты и сел на кадку с фикусом. А ведьмак начал ходить противосолонь вокруг меня и гексаграммы, нараспев говоря древние слова Заклятия Очищения.

– Домести-доместос, санита-санфор, о, комет, комет! Прилл, прилл, о, фэйри!

В моей квартире будто возникли несколько вихрей, сметающих все на своем пути. Я увидела, как на вершине гексаграммы возникла черная воронка, с гудением всасывающая

в себя нечто вроде засохших личинок... Да, поднакопилось у меня ментального мусора. А Мыкола продолжал:

– Дося, ася, ваниш, сорти! О, персил-пауэр-перлс с его Великой Биосилой! Би-макс! Би-макс!

Он воздел руки и резко хлопнул в ладоши. Все мгновенно стихло. Мало того. На ковре я не увидела ничего, кроме самого ковра, причем идеально вычищенного. Великолепно. Мне ни в жизнь не добиться такого блестящего результата. Жаль только, что с редкостным хрустальным блюдом мне пришлось расстаться.

– Ось-ось! – Ведьмак вымученно улыбнулся и вытер пот со лба. – Полдела сделано. Вирус я определил, системку, ох, то бишь квартирку твою, почистил. Сейчас защиту поставлю, и все будет безопасно, как в президентском сортире. Там тоже я работал!

– А президент чей был? – уточнил Мулен Руж, полируя листочки фикуса.

– Само собой, наш, радяньский! – гордо ответил патриотичный ведьмак.

Защиту он поставил виртуозно: пронесся по всем комнатам (а их у меня целых четыре, включая кухню и ванную), пошептал, потрусил в углах серебристой пылью из черной узорчатой коробочки. В спальне задержался и заговорил все углы кровати, мол, на случай непредусмотренного сексуального домогательства...

– А сработает? – недоверчиво спросила я.

– Забижаешь, мать! – возмутился ведьмак. – Я когда этот заговор от блудливых мужиков делаю, аж им сочувствую: они ж опосля него штаны только для гарноты носят.

– О-о! – зауважала я Мыколу. – Ну спасибо, удружил. А ежели меня какой насильник не на кровати, а, к примеру, на кухонном столе домогаться вознамерится? Тогда как?

– А это уж ты сама думай как. Чай, не блажная.

Ясненько. Я краем глаза глянула на оборотня. Он явно наслаждался ситуацией и излучал непробиваемый оптимизм. Да и мне как-то повеселей стало на душе...

– Все, хозяйка! – выдохнул Мыкола, как сантехник, оперативно починивший сливной бачок. – Принимай работу. Даже балкон тебе защитил, не говоря об уборной. Ни одна тварь не проскочит.

– Благодарствую за труд, батюшка, – поклонилась я.

– Благодарность – это многовато, а вот по сто пятьдесят и колбаски – в самый раз.

Ну наконец-то я сумею себя проявить! У меня очень неплохо получается «Гжелка» из воды. Сколько раз вручала такую электрикам и грузчикам...

– Я сейчас наколдую, – торопливо заверила я своих спасателей.

– Чего-о?! – изумился Мыкола. – Горилку родимую наколдовывать?!

Даже Мулен Руж нахмурился:

– Вот это, Вика, совсем ни к чему.

– Помилуйте, джентльмены, я же из лучших побуждений...

– Из лучших побуждений ходят в гастронорм, – безапелляционно заявил ведьмак. – Нет, вот что значит баба! Как дело до горилки доходит, она ни в какую! Водку наколдовывать! Это ж все равно что...

– Все равно что лежать рядом...

– С офигенной бабой...

– И заниматься...

– СЕКСОМ ПО ТЕЛЕФОНУ! – выдали хором Мыкола и Мулен Руж.

Я расхохоталась и согласилась с их мнением.

– У нас на первом этаже супермаркет, пойду куплю все, что нужно...

– Нет, нет, Вика, вы оставайтесь дома. Мы сами скоренько затаримся и вернемся. Запритесь и никому не открывайте. А мы и сквозь дверь пройдем.

Ну, все ясно, вышла я из доверия. Боятся, что какую-нибудь паленую водку куплю. Ладно, мне же безопаснее.

– Так я сварю картошки? – спросила я.

– О! – обрадовался Мыкола. – В самый раз, дядя Тарас! Бульба – це сила!

Они вернулись очень быстро, картошка только-только закипела. На кухонный столик были выгружены сервелат, балык в нарезке, сыр, банка оливок, креветки, фаршированный перец, бананы, коробка конфет «Держава» (видимо, для меня) и как апофеоз – здоровенный шмат натертого чесноком сала. В качестве горячительного мужчины купили себе парочку «Смирновок», а для меня присмотрели марочный совиный урожай 1972 года.

– Ай молодцы! – только и сказала я.

Давно я так не отдыхала своей измученной душой. Мозг беспечно хихикал, отказываясь заглядывать в будущее и ничего не боялся. Мыкола устраивал кулинарное шоу, демонстрируя хохляцкий бутерброд: сало – хлеб – сало. В качестве инновации он водрузил поверх сала последнюю несъеденную креветку. Оборотень культурно кушал банан и делился воспоминаниями о своем отдыхе в альпийских лугах:

– Верите ли, Вика, нигде я не чувствовал себя человеком так, как там, хотя и был волком! Ох, странная у нас судьба, не так ли?

– Наша служба и опасна и трудна! – громко подтвердил Мыкола и хлопнул рюмочку. – Эх, сала нет, одни бананы остались. Голод, голод!

– Вы, Вика, не теряйте с нами связь и не переживайте сильно по поводу своих проблем. Теперь это не только ваши проблемы. Я буду часто вам звонить, спрашивать, как дела.

Все хотят мне позвонить... Тенденция, однако.

– У меня телефона нет.

– Только-то? Держите мой. – Мулен Руж протянул трубку. – У меня этого добра навалом. Ведь я вообще-то генеральный директор компании мобильной связи.

– Правда? Вот это лихо. Никогда бы не подумала...

– Не похож?

– Будто я встречаю генеральных директоров пачками...

– Мы пачками не ходим, – засмеялся Мулен Руж. – Мы в основном стаями.

– А что, среди бизнесменов много оборотней?

– Да через одного! – встрял в разговор Мыкола, наконец расправившийся с жалкими остатками сала.

– Вот уж никогда бы не подумала, что скромный посетитель моей библиотеки ворочает миллионами...

– Что вы, Вика, какие миллионы! – даже замахал руками Мулен Руж. – Долгов немерено, от налоговой полиции бегаю... Бизнес есть бизнес. Правда, оборотнем быть выгодно. Вот, помню, как-то одному авторитету моя компания сильно помешала. Он меня и заказал. Киллер три дня у меня на хвосте висел, все удобного случая ждал, чтоб меня шлепнуть. А тут как раз полнолуние... Я перекинулся, да и встретил в глухой подворотне этого киллера, тот и винтовку уронил, не знает, куда бежать. Я его-то рвать не стал, – киллер человек подневольный, что закажут, то и делает, – а вот адресочек конкурента своего взял.

– А дальше? – потребовали мы продолжения триллера.

– Да что уж там... – вздохнул Мулен Руж. – Вынюхал, определил, что авторитет на загородной вилле отдыхает, вот и пожаловал на эту виллу... В полночь.

– Кровищи небось было... – протянул ведьмак.

– Инфаркт был. У него, как меня увидел, – суровым тоном заключил волк. – Я для очистки совести потом даже «скорую» вызвать пытался. Я ж не зверь!

Да уж. Чего на свете не бывает...

После рассказа Мулен Ружа за нашим столом воцарилось задумчивое молчание. Я грустно шуршала фантиками от съеденных конфет и думала, как жить дальше...

– Скучно мы сидим, прямо как люди, – вдруг заявил ведьмак.

– Чего ж тебе еще надо, кацап ты недорезанный?! – возмутился Мулен Руж и быстро притянул к себе остатки сервелата.

– Та я ж не за жратву! – пояснил Мыкола. – Душа гарного видспрашивае... Чо мы песен не поем?!

И незамедлительно подал пример, затянув хорошо поставленным баритоном:

Ніч яка місячна, зоряна ясна,
Видно, хоть голки збирай...
Вийди, кохана, працею зморена,
Хоть на хвильночку в гай.

Да, совершенно верно. Эта песня была первой в нашем концерте для ведьмы, ведьмака и оборотня без оркестра. Самое интересное, что я, сроду не знавшая языка великого Шевченко, подпевала всю. То же самое можно сказать и об оборотне. Он старался, как мог, причем для волка у него оказался неплохой басок с эффектной хрипотцой Юрия Шевчука. Мы быстро покончили с лирической темой, выпили по стопочке и ахнули стопудовый хит любого магического застолья:

Розпрягайте, хлопці, коні
Та лягайте спочивать,
А я піду в сад зелений
Вурдалаченьку ховать!

Потом зазвучало нечто совсем непере译имое:

Кину кужіль на полицю,
Сама піду на вулицю.
Нехай миші кужиль трублять,
Нехай мене хлопці люблять!
Я нікого не любила,
Тільки Петра та Данила,
Грицька, Стецька та Степана,
Вийшла заміж за Івана!¹

Мыколина защита хорошо работала, даже обычные соседи не слышали нашего безумного трио. А пели мы много и со вкусом (под это дело все-таки пришлось поднаколдовать водки, и пошла она хорошо, хоть и припахивала хлоркой).

Только посреди веселья мне не давала покоя мысль о том, что я не сказала Мулен Ружу о своем втором противнике. О ведьме Наташе.

Концерт закончился импровизированным гопаком «Гандзя душка, Гандзя любка», после чего мы поняли, что наша ночь весьма затянулась. Конечно, при помощи магии можно подчинить себе ненадолго любую категорию тварного континуума, но хорошего в этом мало. Попранная в правах категория может вклеить тебе пощечину, когда ты меньше всего этого

¹ На самом деле в этой песне, посвященной нелегкой женской доле, бедная девушка, сбросив с себя оковы быта вместе с одеждой, отправляется на премьерный просмотр фильма «Займемся любовью». Странные эти старинные песни...

ожидает. Особенно это касается времени. Поэтому мы порешили со временем не шутить и пьянку завязывать.

Мыкола махнул рукой, превратив остатки нашего пиршества в легкий дымок с ароматом апельсинов. «Чтоб посуду не мыть и бутылки не сдавать», – деловито пояснил он.

– Благодарствую, хозяйка, – откланялся он, седлая метлу на моем балконе. – Хорошо посидели. Ежели что, всегда обращайся, помогу. В Киев к нам прилетай пошабашить, дюже у нас гарно!

– Поторопись, Мыкола, а то третьи петухи скоро заблаговестят! – тревожился Мулен Руж.

– Ладно, – сказал Мыкола и, махнув рукой, скомандовал метле: – Поихалы!

Я смотрела на удаляющуюся фигурку на фоне еще ночного неба, вдыхала свежий воздух уходящей ночи полнолуния и приходила в себя.

– Мне тоже пора, Вика, – напомнил оборотень.

Мы посмотрели друг на друга абсолютно трезвыми глазами. Вот еще один минус магии – никакое спиртное не сможет опьянить тебя до конца.

– Я понимаю, Мулен Руж. Я очень благодарна вам, вы меня спасли, хотя... вовсе не обязаны были...

– А кто говорит об обязанностях? Просто когда-нибудь, смею надеяться, и вы поможете мне.

– Приложу все усилия. Я еще увижу вас в библиотеке?

– Как же иначе? Ведь все только начинается. Ваша квартира под защитой, но вы сами пока не можете противостоять Огненному Змею. А вам нужно связаться с Трибуналом Семи Великих Матерей. Я постараюсь помочь вам в этом.

– Скажите, – неожиданно спросила я, – а почему у вас такое странное истинное имя – Мулен Руж? Вы родом из Франции?

– Нет, – улыбнулся оборотень. – В миру меня зовут Василий Пуньков. Для коммерсанта сойдет, а для оборотня как-то... несолидно. А Мулен Руж потому, что уж очень я творчество Тулуз-Лотрека уважаю. Какой был человек!.. Ну, благословенны будьте, Вика, а мне пора! Встретимся!

И он, перекувырнувшись через балкон, растаял в темноте. На балконе чуть пованивало псиной. Странно... Что-то слишком чувствительная я стала на запахи...

...Если моя жизнь и дальше пойдет по такому расписанию, придется выбирать: работать днем или ночью.

Проспав после ухода гостей не больше трех часов, я встала разбитая и несчастная. Будильник стукнула тапкой и побрела в ванную, где испугалась собственного отражения в зеркале. Да от меня не то что люди, зомби скоро шарахаться начнут!

Пришлось срочно пройти курс реанимации, включающий в себя контрастный душ, покраску волос с последующей их укладкой, нанесение на лицо тоника, крема, крема тонального, карандаша корректирующего, румян, теней, пудры, туши и губной помады (главное, не перепутать последовательность). Из ванной я двинулась в боевом раскрасе, с полотенцем на бедрах, прямиком к гардеробу. Ведьмой я уже была. Теперь надо побыть просто женщиной.

Я никогда не стремилась обладать дорогими тряпками. Куда их надевать? На дневные светские приемы я, в силу своей скромной профессии, не вхожа, а появление на очередном шабаше требует от одежды элегантного минимализма: туфли, кольцо и сумочка. Некоторые, правда, грешат шляпками.

Однако сейчас мне хотелось пройтись по утренним улицам города во всеоружии своей ослепительной красоты и элегантности. Хотелось, чтобы на работе коллеги завистливо ахнули и сказали: «Ну куда смотрят эти чертовы мужики?!» Поэтому я достала из самого

дальнего угла гардероба костюм, однажды привезенный мне знакомой ведьмой из Лондона. Спенсер цвета бордо и мини-юбка в тон для нашей полумещанской моды были чем-то вроде появления попугая ара на Командорских островах. Чтобы сразить всех окончательно, я набросила на шею утренне-розовый шифоновый шарфик и натянула розовые же лайковые перчатки. Туфли... Ну, пусть и не такие, как у этой московской выскочки, но не хуже. Да и не в них дело. Что главное в женщине? Правильно, ноги. А с этим у меня полный порядок.

Экипировавшись, я пять минут полюбовалась на себя в зеркало и хладнокровно начала разоблачаться. Вернула костюм на место его постоянного проживания в гардеробе и устало уселась посреди комнаты на пол. Ничего не хочу. Никуда не пойду. Вот, теперь есть мобильный, позвоню на работу, скажу, что умерла, и попрошу не беспокоить. Плохо мне, граждане. Пожалейте глупую, бездарную и абсолютно безнадежно влюбленную ведьму Вику!

– Тебе не стыдно быть таким нытиком? – громко спросила я самое себя.

– Стыдно. А у меня депрессия! Пришлите мне, пожалуйста, психотерапевта на дом.

– Кобеля тебе хорошего надо, а не психотерапевта, озабоченная ты моя! Сидит тут, принцессу Грезу из себя строит!

– Гнусная клевета! Я вообще далека от мыслей о сексе...

– Ну, правильно. Чего мыслить-то – заниматься надо!

– Тьфу, пошла вон!

– Сама пошла! Раскомандовалась тут!

– Да я ж душа, я вообще-то главная... А ты кто?

– А я это... либидо, вот! Меня тоже нельзя со счетов сбрасывать!

– *А заткнитесь-ка вы обе!*

Я помотала головой и встала. Когда ты слышишь внутри себя подобные диалоги, пора в жизни что-то менять. Или хотя бы недельку попить антидепрессанты.

Не позволю себе расхандриться, а точнее, расхАвдиться. Хватит. В конце концов, я сама хотела, чтобы Авдей меня забыл, и теперь уже ничего вспять не вернешь. Так что первая проблема отпадает в связи с ее нерешаемостью.

Проблема вторая подождет до следующего полнолуния. Тогда я снова смогу встретиться с Мулен Ружем и обсудить с ним, как мне попасть в Трибунал Ведьм. Что же касается домогательств Огненного Змея... Ну, уж не так он и домогался. Пока можно терпеть.

Я торопливо натянула джинсы, любимый старенький взлохмаченный свитерок, сдернула с вешалки плащ, бросила прощальный взгляд на свое отражение и побежала на работу. Надеюсь, на улице все еще продолжается весна...

На работе моим дневным коллегам впервые за три месяца торжественно вручали зарплату. Настроение у народа было приподнятое, с тенденцией уверенности в завтрашнем дне. Работать уже никому не хотелось, а хотелось рвануть по магазинам для активного затаривания продуктами на голодающую семью...

Блин. Все-таки я зараза. Настоящая ведьма. Нашла над чем издеваться – над тем, что у людей есть простые маленькие радости и они умеют радоваться. Вон Иринка из отдела компьютерного сервиса наконец сумела купить себе новый диск Ричи Блэкмора, и глаза ее светятся таким неиспорченным счастьем, что позавидуешь. Я-то чему способна так порадоваться?

И есть ли теперь на земле хоть кто-нибудь, кто искренне, *по-человечески*, порадуетя мне?

– Ой, Вика! Ты выздоровела, да? А тебя кто-то вчера по телефону спрашивал. Мужской голос. Не представился.

– Бывает... – отмахнулась я. Мне некогда было рефлексировать по данному вопросу.

Еще со вчерашнего дня у меня появилась цель. Мне нужно найти *книгу*.

Это мужчины, являясь категорией временной, приходят и уходят, а книги остаются. Поэтому если уж кого и считать опорой в жизни, так это солидный, крепкий том, который всегда можно в качестве этой самой опоры использовать, а также применять его как подставку под горячее или как тяжелое метательное орудие в интеллектуальном споре с оппонентом.

Как известно, магическая литература подразделяется на несколько видов:

- общая теория магии,
- история магии,
- методология магии,
- практическое руководство по:
 - а) общей магии,
 - б) специальной магии.

Насколько я разбираюсь в сути вопроса, ритуал инициации ведьм должен излагаться в книгах прикладного характера, что-то наподобие «Справочника электрохимика-любителя» или «Введения в операционную систему UNIX»... Однако, в отличие от «Справочника электрохимика», днем на книжной полке ты магическое пособие не отыщешь. Я ведь уже говорила о том, что во время полнолуния наша скромная библиотека на Тихой улице с полуночи до третьих петухов обслуживает представителей магического большинства. Именно тогда в ней появляется истинное пространство, заполненное истинными книгами, излучающими мощный чародейный потенциал. Но вся проблема заключается в том, что прошедшая ночь была последней, и полнолуния теперь ждать и ждать. А книга требуется срочно!

«Ты книжечки-то магические почитай...»

Спасибо Баронету за совет. Не премину им воспользоваться. Только, боюсь, до грядущего полнолуния этот Огненный Змей как бы меня не спалил в огне своего неудовлетворенного желания. И в Трибунал Ведьм тогда некому будет обращаться...

– Вика, иди зарплату получи.

Иду, иду... Знали бы мои сослуживицы, что мое ночное жалованье куда больше этих символических денег... Но это закон Мерфи: женщина, работающая ночью, получает больше, чем женщина, работающая днем (в чем бы работа ни заключалась). И при этом ей удастся поддерживать нейтральные отношения с налоговой полицией – она не платит налоги, потому что не спит.

– ОЙ, ДЕВОЧКИ, КРЫСА!!!

Когда в учреждении с сотрудниками женского пола раздается подобный вопль, последствия предугадать нелегко. Одно можно сказать наверняка – они будут катастрофическими и очень громкими.

В читальном зале девчонки взобрались на столы и забаррикадировались папками. Бухгалтер заперлась в сейфе и закричала, что, пока крысу не обезвредят, она отказывается выдавать зарплату в таких вредных условиях. Я растерянно стояла в коридоре. Ну где они эту крысу обнаружили?

– Она в хранилище побежала! – блестя огромными от ужаса глазами, сообщила Иринка. – А у нас все компьютеры зависли.

– Значит, компьютер тоже женщина, раз мышей боится, – утешила я Иринку. – Пойду в хранилище, поищу вашего зверя.

– А ты не боишься?

– Нет, – засмеялась я. – Я умею их готовить.

Ну правда, умею!

В хранилище, как обычно, царил неживой свет люминесцентных ламп. Одна все время нервно мигала. В американских триллерах сцена появления маньяка или схватки с монстром обязательно проходит при неверном освещении такой вот бракованной лампы.

Я окинула пол и стеллажи пристальным взглядом. Никого. Хотя... Стоп. Вот эта тень, прямо за горкой макулатуры. По всем законам дифракции и интерференции этой тени здесь быть не должно.

Я вгляделась в тень *истинным зрением* и ахнула. Съежившись, дрожа и поминутно всхлипывая, на меня смотрело нечто. Точнее, некто.

Основной геометрической формой существа был огурец. Причем огурец выглядел чудовищно лохматым с серо-бурым оттенком. Тоненькие конечности напоминали куски ржавой проволоки, прикрученной к туловищу-огурцу кое-как. А голова, если это можно было назвать головой...

У вас дома есть старые газеты? Так. Возьмите побольше, штук пять. Скатайте из них мятый, неровный ком. Налепите на полученный ком пару ярко-зеленых глаз, чуть ниже провертите дырочку. Вот. Теперь вы примерно представляете себе, что я увидела.

– Ты кто? – на всякий случай пробормотав охранительное «чур меня», спросила я.

– Не снаю... – жалобно прошептало существо. Голос у него был точь-в-точь как у шуршащей на ветру газеты. – Я сдесь появилс-ся.

– Где здесь?

Существо неуверенно подняло одну ручку и указало на макулатурный завал.

– Я оттуда...

– Так ты... – мне пришла в голову идея, – макулатурный, что ли? Вроде книжного червя?

– Не снаю... Не убивай меня, пош-шалста.

Я опасливо протянула руку и коснулась головы существа. Точно, бумага. Дождались мы, значит, своего домового. А точнее, макулатурного.

Причина его появления наверняка кроется в специфике места. Библиотека хранит в себе слишком много книжного знания, а знание – это сила. Во многом магическая. Я давно подозревала, что неорганизованная куча макулатуры на полу хранилища обладает тем же потенциалом, что был присущ материи в момент Большого Взрыва.

Ладно. Рассуждать будем потом. А пока надо решить, как малыша пристроить. Он, по моему, очень напуган.

– Не бойся, – максимально ласково сказала я. – Я буду звать тебя Букс. Согласен?

Существо мигнуло глазами-огоньками и прошептало:

– Куш-шать...

Вот те на! Ну, домового понятно чем кормить – молочка в блюде под порог, корку хлеба в дымоход, по пятницам тринадцатого в пятый угол избы стопку водки вылить... А этого?!

– А что же ты ешь?

Существо отлепилось от породившей его кучи и, закачавшись на тонких ножках, сделало свой первый неумелый шаг по направлению ко мне.

– Куш-шать... книги... еще... те ску-ш-шал уже...

Понятненько. Малыш питается субстанцией, адекватной его морфической структуре. Он ест не материальную, а ментальную ткань книги. Интересно, что ему сейчас полезнее всего для правильного роста и развития?

Оказалось, басни Крылова в самый раз. Букс, порыскав по хранилищу, остановился у нужной полочки, вскарабкался на нее и приник к книге, как младенец к материнской груди. Мне послышалось его довольное урчание.

– Смотри, не переешь, – на всякий случай предостерегла я.

– Не-э... А вос-с и ныне там! – удовлетворенно прошепелявил бумажный младенец, прыгнул с полки и поковылял дальше, распространяя вокруг себя еле слышное шуршание.

Я медленно шла за ним, пребывая в состоянии легкого шока. И мне понятно, почему крыса, обычная, неволшебная серая крыса, неожиданно выскочившая из-за книжного шкафа, увидев нас, замерла, а потом мягко осела в обмороке. Ну надо же, какие нервные крысы пошли...

Букс тоже слегка испугался и поспешил прижаться к моим ногам.

– Это кто?

– Крыса. Зверек такой. Не бойся, она тебя не тронет. Лучше скажи, что мне с тобой делать?

– Не есть, – твердо прошептал макулатурный.

– Да я и не собиралась. Просто думаю, где же ты будешь жить, чем питаться...

– Сдес-сь. Все сдес-сь. – Он обвел ручкой темные стены нашего депозитария. – Еда, дом... Хорошо. А ты – гос-споша. Ты защитишь.

Дверь в хранилище медленно приоткрылась, и опасливый голос спросил:

– Вик, ну как, ты крысу обнаружила?

При звуках этого голоса Букс резво, насколько позволяла его хрупкая конституция, подскочил и с шелестом скрылся на полке с книгами Набокова. Ох, не рановато ли ему... От одной «Лолиты» такое в детском организме начаться может...

– Крыса в обмороке лежит, она больше вас испугалась, – громко ответила я. – Сейчас вынесу.

– Ой, не надо. Пусть она, как очнется, уйдет куда-нибудь.

– Ладно, я так ей и передам.

Я склонилась над не подававшей признаков жизни крысой и щелкнула пальцами:

– *Луер-апироген-донормил!*

Крыса очнулась, встала на задние лапки и с укором поглядела на меня. Затем, окончательно придя в себя, торопливо умотала с глаз моих долой.

– Букс, – тихонечко позвала я. – Ты не высовывайся, а я иногда буду тебя навещать и даже приносить гостинцы.

Ответом мне было тихое удовлетворенное шуршание. Я пожала плечами и ушла из хранилища, решив отложить поиски нужной мне литературы на потом.

...День близился к закату. Легкие весенние сумерки вползали в библиотеку. Видимо, они были перенасыщены теми апрельскими феромонами, которые заставляют кошек штурмовать чердаки многоэтажек, а скромных работниц книжного дела томиться непонятной тоской. Я неизвестно зачем отправилась в читальный зал и увидела картину, потрясшую мое, ставшее чересчур сентиментальным, сердце. Возле кабинетного рояля любительница фэнтези Надя изящным веером раскладывала на столике книги Авдея Белинского. Я встала рядом, с болью сердечной рассматривая яркие глянцевые обложки.

– А, Вика! – Надя улыбнулась мне, на мгновение спустившись с литературных высот. – Как тебе эта выставка, ничего?

– Ничего, – сделав над собой невероятное усилие, кивнула я. – А тебе нравится... этот фантаст?

– Да, хорошо шлифованная проза, язык и стиль отработанные, – заговорила Надя тоном судмедэксперта. – Правда, в отдельных произведениях наблюдается кодационная проблема...

– Какая?

– Ну, проблема концовки: есть рыхлость, логический аутизм, субстанциональный позити...

– Надя, – проникновенно сказала я. – Ты хоть изредка можешь говорить по-человечески?

– Могу. Извини, увлеклась. Ты же знаешь, я диссертацию пишу по современной фэнтези. Книжки Белинского там тоже рассмотрены.

– Надь, ты не будешь против, если я возьму парочку... его книг с выставки, почитаю.

– Конечно, о чем речь! У нас уже фэн-клуб его имени возник! Так что не отставай от веяний времени, познакомься с его творчеством.

Знала бы Наденька, с какой замечательной стороной творчества Авдея Белинского мне уже посчастливилось познакомиться... Впрочем, ей это не грозит. Наденька вот уже десять лет прочно удерживает переходящий вымпел первой старой девы нашей библиотеки и на представителей противоположного пола смотрит исключительно как на лиц, читающих (не читающих) фэнтези.

Я взяла две наименее пестрые книжки, полистала и грустно улыбнулась портрету на фронтисписе. Привет, милый.

– Ну, я пойду, – прижала я к груди книжки. – Потом поделюсь с тобой прочитанным.

– Обязательно! – ободряюще улыбнулась Надя. – Я тебе еще главы из своей диссертации принесу, если ты не против.

Я изобразила безмолвный восторг перед такой блестящей перспективой и поспешила убраться из читального зала. Именно диссертации мне и не хватало для полного и окончательного схождения с ума!

После работы мне не хотелось идти домой. Я отправилась в парк, посчитав, что для весенней прогулки там в самый раз. Побродила по полупустым аллеям, старательно обходя семейные пары с детьми (засмотришься на какого-нибудь симпатичного карапуза да и сглазишь автоматически. Бывали прецеденты). В конце концов устала и уселась на относительно чистую скамейку. Достала из сумочки книгу. Ну-ну, поглядим, что там писал мой талантливый возлюбленный...

Это была странная повесть. Во всяком случае, герои классических сказок и легенд так себя не ведут.

Героя звали Тристан, и был он странствующий рыцарь, воспевавший красоту нареченной ему невесты, принцессы Изольды. Девушки, которой он никогда не видел.

Сходство с классическим источником на именах героев и оканчивалось. Дальше они, то есть герои, вели себя весьма непредсказуемо. «Прекрасный Тристан, получив благословение родителей, сел на корабль, чтоб плыть в страну никогда не опадающих яблоневых цветов. Там ждала его невеста. А перед самым отъездом верный раб Тристана, старый Бражён, подал господину флягу с темным напитком.

– Это напиток страсти, мой господин. Кто знает, искренне ли расположено к вам сердце вашей будущей жены... И, возможно, она побоится дать вам власть над собственным телом и возлечь с вами на супружеское ложе... Так вот, если усомнитесь вы в ее чувствах, налейте ей этого вина. Испив его, она вспыхнет к вам страстью, какую вы сами к ней будете испытывать.

И сказал Тристан: «Мерси боку» – и отплыл его корабль в страну никогда не опадающих яблоневых цветов. Долог был путь, темны волны, одиноки вечера, и не раз задавал себе Тристан вопрос: а стоит ли нареченная ему женщина таких испытаний? А есть ли в сердце самого Тристана искренняя любовь к ней?

Но рыцарь не был малодушен и держался данной однажды клятвы. И тогда правильным казался ему его путь.

Однажды, проснувшись на рассвете, Тристан поглядел на море и увидел неподалеку от своего корабля малый челн, которым играли утренние волны. Тристан подплыл ближе и

увидел, что в том челне лежит прекрасная девушка. Глаза ее были закрыты, а правая рука безвольно свешивалась за низенький борт челна.

«Мертва она или нет, я должен спасти ее», – помыслил рыцарь и не мешкая перенес девушку на палубу своего корабля.

Девушка оказалась жива, но очень слаба. Она не помнила, ни кто она, ни откуда родом, ни как оказалась посреди моря. Лишь имя свое назвала она – Изольда, и в тот момент словно пчела ужалила рыцаря в сердце – ведь таковым было и имя нареченной невесты Тристана, ожидавшей его в далекой стране! Но спасенная девушка была прекрасна так, что лучшей, казалось, и искать бы не стоило. Казалось, само Провидение посылает невесту Тристану таким чудесным образом...

Но он отогнал эти мысли, сочтя их дьявольским искушением. Ибо рыцарь верен однажды данному слову и не должен изменять дороге, которая начертана в его сердце...

Так плыли они в страну, где с яблонь не опадает цвет, и днем их души разлучала тоска, а ночью – их тела – благородный меч.

И когда уже близок был конец пути, посмотрела Изольда на Тристана, и тихий вздох вырвался из ее груди:

– Зачем ты спас меня, чтобы я умирала каждый день из-за твоей нелюбви ко мне!

– Прости, но я рыцарь и верен своей клятве, – стиснув зубы, отвечал Тристан.

– А если бы ты выпил то вино, что дал тебе раб, помнишь, ты говорил... Может, хоть тогда ты полюбил бы меня?

– Мне не нужно это вино, ибо я люблю тебя больше жизни своей, – сказал Тристан. – Но клятва рыцаря должна быть сильнее его сердца.

И прошла их последняя ночь на корабле, в которую они не подарили друг другу ни поцелуев, ни объятий.

А утром увидел перед собой Тристан берег страны, куда так стремился. Только Изольды не было на корабле, ночью тихо бросилась она в море...

И разбил Тристан флягу с напитком страсти, потому что было ему все равно, как встретит его нареченная невеста.

И когда он встретился с нею во дворце, невеста спросила его, кокетливо играя концом кружевной своей вуали:

– Привез ли ты мне свое сердце, Тристан?

Он ответил ей:

– Я привез тебе свою рыцарскую клятву, госпожа.

Не пила Изольда вина.
И Тристан вовсе не был пьян.
И была их ладья темна,
И плыла она сквозь туман.
Мир у них на глазах пустел,
Мимо пальцев текли огни...
И серебряный меч в постель
Положили с собой они.
А потом менестрель молодой
Пел балладу на новый лад.
Отчего же морской водой
Стал любовный да сладкий яд?
Зря Изольда просила: «Пей!»,
Сжав до боли в пальцах бокал.
Становилось кругом темней,

Ветер что-то в волнах искал...
То ль в бутылках напутал раб,
То ли чуда не сделал Бог...
Зря шептала она: «Хотя б
За меня. За последний вздох».
«Ты прости, только я – не тот.
Я не твой, госпожа, слуга.
Подними, если хочешь, тост
За любимого. За врага».
Она плакала долго. И
Что-то пела про зеркала.
На рассвете она с ладьи
Тихо в синие волны сошла.
А Тристан ее не искал,
Не молился о ней Тристан.
Он о мачту разбил бокал,
Потому что он не был пьян.

...Однажды такую песню в исполнении придворного менестреля услышала жена Тристана. Тогда-то поняла она, с кем осталось сердце ее вечно печального супруга. Словно демон вселился в знатную и благородную Изольду! От дел благочестия обратилась она к проклятым Богом занятиям чародейством и черной волшбой. Ибо задумала она известить своего мужа, предав его тело и душу медленной лютой смерти... И не знал о сем ничего Тристан, поскольку сердце его ослепло в бесплодной тоске об утерянной возлюбленной. И не ведал, что в стране, где с яблонь никогда не осыпаются цветы, завелась черная ведьма...»

Читала я долго, абсолютно отключившись от окружающей действительности. А когда наконец смогла оторваться от захватывающей эпопеи средневековой трагической любви, разогнула затекшую спину и посмотрела вокруг, оказалось, что парк пуст, аллеи его темны, а фонари горят подозрительно тускло.

– Если на меня нападет маньяк, ты будешь виноват! – погрозила я пальцем портрету Авдея. – Я зачиталась, как школьница.

Авдей в ответ только и мог, что улыбаться.

На самом деле никаких маньяков я не боялась. Маньяки думают, что женщины боятся темноты, но это если женщина не является ведьмой. Для меня же темнота является нормой жизни. В темноте тоже есть Сила.

Однако искушать эту Силу не следует. Я торопливо поднялась со скамейки, сунула книгу в сумку и заторопилась к выходу из парка. Пару раз навстречу мне попадались нетрезвые личности с конструктивным предложением выпить вместе, но быстро рассеивались по местности, видимо убоявшись света моих глаз. Я их понимала. Я на всякий случай смотрела *истинным зрением*, а при этом глаза теряют радужку и горят ярким фиолетовым огнем. Неподготовленный человек может здорово расшатать себе нервы, столкнувшись с таким феноменом природы.

Именно благодаря своему *истинному зрению* я заметила их первыми.

Они стояли, почти сливаясь с породившей их тьмой, окутанные чьей-то высокой магической защитой. Если бы не эта защита, они оставались бы тем, чем являлись на самом деле – мусором, грязью и дурными снами. Но сейчас это были чудовища, вполне способные разделаться со мной. И, кажется, именно этого они и ждали.

Я замедлила шаг. А что еще стоит предпринять, когда на пути у тебя возникают три фигуры, более всего напоминающие пропущенных через камнедробилку зомби в облачении

из рваных носков? Плюс невероятный смрад. Плюс явный переизбыток зубов и конечностей.

Бежать от них было бессмысленно. Никогда не поворачивайся к опасности спиной – первое, что понимает любая ведьма, если не хочет ощутить, как ее спину вспарывает чье-нибудь мощное заклятие.

Я сурово прищурилась, хотя душа у меня ушла в пятки.

– Прочь с дороги! – приказала я.

Они не двинулись с места. Ну что ж, не очень-то и надеялась.

– Что вам нужно?

– Тебя.

Спасибо за откровенность.

– Кто вас послал?

– Его имя страшно.

Неужели Баронет решил связаться с таким ментальным отребьем? Пугать женщину, к которой собираешься заползти в постель, – дурной тон. Да и, насколько я знаю мэтра, это не его уровень. Тогда кому же еще я, красивая и смелая, дорогу перешла?!

Фигуры отлепились от деревьев и решили перейти в наступление. Их костлявые, в лохмотьях истлевшей кожи, руки начали удлиняться и ползти по земле. Ага. Психическая атака. А что у меня есть в заклинательном арсенале?

Трансфигурация, реанимация, заклинание Мемории... нет, не тот случай... Три приворотных заклятия, чары тонкого тела (чтоб сквозь стену проходить)... Негусто.

А они все тянули ко мне руки...

– Ручонки-то шаловливые уберите от порядочной ведьмы! – приказала я. – А то как полыхну на вас синим пламенем!

Вспомнила!

Есть у меня заклятие!

Правда, оно опасное, и я мало его практиковала. Потому что в результате заклятия можно выжечь напалмом полквартала и ни одна пожарная команда не управится со стихией. Потому что это было заклятие Саламандры.

Они уже окружили меня, нестерпимо воняя, как огромная помойка в жаркий день. Кажется, они были уверены, что я не окажу сопротивления.

– Ребята, от вас плохо пахнет, и вы портите окружающую природу, – сурово сказала я. – От имени местного экологического комитета разрешите вас запалить!

Фейер-р-бах!

Кто бы мог подумать, что фамилия знаменитого немецкого философа-материалиста будет производить такой ошеломляющий эффект!

На моих противников обрушился шквал невыносимо яркого пламени. Они завyli, принялись корчиться, рассыпая во все стороны веселенькие снопы искр, и я отбежала подальше. Не хватало еще обжечься. Раскаленная добела гигантская Саламандра могла за мгновение превратить кого угодно в сгусток плазмы.

Я не стала дожидаться, пока огонь завершит уничтожение морокков, и бросилась вон из парка. Тем более что невдалеке уже всюю надрывались пожарные сирены.

Возле дверей моей квартиры меня ждал еще один сюрприз. На коврике красовалась шикарная корзина с моими любимыми белыми розами. Ручку корзины украшал блестящий бант, а к нему была приколата открытка-валентинка.

– Кто это у нас в апреле Валентинов день праздновать решил? – вслух поинтересовалась я. На меня вдруг навалилась усталость. И полное безразличие ко всему. Не удивлюсь, если в этой корзине, помимо роз, окажется змея или динамитная шашка. Плевать.

Я взяла открытку, ожидая прочесть в ней что-нибудь ужасное, но оказалось, что это всего-навсего привет моего старого друга оборотня, отправившегося в очередное путешествие.

«Ma chere Виктория! Будьте осторожны и старайтесь не разгуливать допоздна в гордом одиночестве. Мне хочется застать Вас в живых, когда я вернусь из Татр. Ваш покорный слуга».

Я внесла корзинку в гостиную, размышляя над тем, откуда Мулен Руж мог догадаться о моей недавней незапланированной прогулке.

В пятницу вечером, утомившись от вынужденного магического ничегонеделания, я решила прямо с работы отправиться в гости к своей старой знакомой гадалке. Просто так, отвлечься от мрачных дум. Прихватила с собой пару кило пряников, селедку и бутылку кагора (старуха отличалась незатейливыми вкусами).

Жила гадалка в старом деревянном доме со ставнями на окнах и с разросшимися кустами персидской сирени в палисаднике. По чистенькому двору всегда ходили степенные куры, бросая томные взгляды на черного гигантского петуха. Петух неизменно восседал на покатой крыше курятника и выглядел хозяином положения. Это был колдовской петух. Он принципиально не кукарекал.

– Заходи, доча, – беззубо заулыбалась старуха и турнула с крыльца двух здоровенных черных котов. – Давненько не виделись.

– Да. Вот, пришла по старой памяти.

В домике бабы Кати всегда пахло полынью и корвалолом. Она жила одна, не считая котов и кур, и была педантично аккуратна. Старые буфеты, комоды и этажерки всегда сияли, вязаные салфеточки коробились от крахмала, а на окнах весело зеленела в горшках густая герань.

– Ну садись, ведьма, – указала мне на кресло баба Катя, а сама пошла упрятывать подарки. Я разглядывала фотографии, припиленные к обоям. На одной из этих фотографий молодая баба Катя стояла в профессорской тоге и шапочке рядом с мрачным не улыбающимся человеком в смокинге. Этот снимок относился к годам обучения гадалки в Иствике. Она была настоящим специалистом в своем вопросе.

Баба Катя вернулась, устроилась напротив меня в старом кресле-качалке и внимательно поглядела мне в глаза.

– Да... – протянула она. – Давненько я тебя такой не видела.

– Баба Катя, – жалобно сказала я. – Погадай мне, что ли, а?

– А сама что же? Я ж тебя учила...

Я махнула рукой.

– Ты же знаешь, гадание и предвидение никогда не были моими сильными сторонами.

– Лень – вот твоя сильная сторона, – строго заключила гадалка. – Ладно, не обижайся на меня, старую. Я ведь и без карт вижу, девка, что плохи у тебя дела.

– Плохи, – со вздохом подтвердила я. – Не знаю, с какой стороны к ним и подступиться.

– Разберемся, – успокоила меня баба Катя и профессиональным жестом достала из ниоткуда потрепанную колоду карт.

Первый расклад она изучала долго и пристально, а я, как школьница, с трепетом ждала комментариев к собственной судьбе.

– Значит, так, – наконец заговорила гадалка. – Была у тебя дальняя дорога с пустыми хлопотами в казенном доме. Там ты себе соперницу нажила. У нее дурной глаз и склочный характер.

Я кивнула головой:

– Похоже.

– Опять казенный дом, встреча и два короля насупротив тебя... Двое тебя добиваются, девонька, только один ушел.

– Ушел... – эхом повторила я.

– Ну что ты за ведьма, мужика себе приворожить не можешь?!

– А зачем, баб Катя? Ему со мной только мучиться.

– Ой, додельная! Откуда ты знаешь, может, он и сам помучиться рад? Вон, смотри, куда трефы легли – сердце у него в разлуке изболело.

– Не могло такого быть, – прошептала я. – Я его заклинанием памяти лишила.

Баба Катя, выпускница престижного магического колледжа, возвела очи горе, едва я упомянула об этом. Невысокого она мнения о моих способностях.

– Насчет заклинания не знаю, – сказала она. – А только по картам выходит, что помнит он тебя и свидания хочет. Будет ли свидание или только хлопоты пустые – со второго расклада выясним. Так, что у нас еще... Второй король мне не нравится. Хоть он и силен, а одни беды тебе от него. Опасайся, он все время рядом ходит...

Она пристально взгляделась в карту и слегка изменилась в лице.

– Он ведь не человек, доча! Он...

Карта пикового короля вспыхнула и рассыпалась невесомым пеплом.

– Чур меня! – закричали мы обе и перепуганными глазами уставились друг на друга. Баба Катя опомнилась первой, смешала карты и схватила с буфета графинчик с наговорной водой.

– Все чужое из дому – прочь, прочь! – приговаривала она, брызгая водой во все углы.

Потом она посмотрела на меня. Я сидела и плакала.

Мы выпили брусничной настойки, чтобы немного прийти в себя. Я уже не просила бабу Катю гадать, а просто рассказала ей все. При упоминании об Огненном Змее гадалка даже перекрестилась, что незамедлительно отозвалось во мне головной болью.

– Страшная это сила, девонька, тебе с ней не совладать! – сказала она.

– Как же мне быть? Я жить хочу! Пусть я неумелая ведьма, пусть я ничего не способна толком даже заколдовать, но это не значит, что я должна испепелиться ради чьего-то оргазма!

– Сила тебе нужна. Имя нужно. Тогда ты сможешь противостоять ему. Хоть какое-то время, пока о нем не узнает Трибунал.

– Знаю! Только как мне взять ее, эту Силу?! Как назло, полнолуние кончилось, теперь и истинных книг не почитать...

– Много ты вычитаешь... Ты меня слушай. Это знание заветное, да зато верное. Те, кто получал Силу таким путем, становились непревзойденными ведьмами. Помнишь Стеллу Ганзейскую?

– Та самая легендарная ведьма, которая устроила гибель «Титаника» из-за того, что капитан неодобрительно отозвался о ее платье? Ну, говорят, у нее был контракт с самим...

– Пустые сплетни! – отмахнулась баба Катя. – В наши дни контрактов уже никто не заключает. Нет смысла. И есть альтернатива. Ты что-нибудь слышала об Обряде Тринадцати?

Я отрицательно покачала головой.

– Правильно, об этом не распространяются, поскольку сие есть тайноведение. Я бы тоже не стала тебя в это посвящать, но мне тебя жаль. Ты можешь стать очень могущественной ведьмой, Вика.

Я была заинтригована до предела.

Баба Катя встала, прошаркала в коридор, тщательно проверила, заперта ли дверь. Потом задернула шторы на окнах. В комнате из углов пополз сумрак.

– Света не буду зажигать, – предупредила гадалка и вернулась в кресло. Глаза у нее светились бледно-зеленым сиянием.

– Не томи! – взмолилась я.

– Ну слушай. Обряд Тринадцати возник еще тогда, когда женщины не знали книжной волшбы и пользовались магией стихий, природы. Магией человеческого тела. Ты же наверняка знаешь, что в любом человеке существует магический потенциал, потому что в нем существует душа. Волшба – плотское отражение тех чудес, на которые способна душа. Ну, тут много философии, мы эту тему затрагивать не будем... Так вот. В давние времена ведьмы для того, чтобы получить Силу и Имя, не изучали трактаты и не учились в колледжах. Просто потому, что еще не было ни трактатов, ни колледжей. Ведьмы воздвигали алтарь для Тринадцати. Ну, на самом-то деле это была обычная широкая кровать с матрасом, набитым нужными травами. В ночь Становления Звезды ведьма раздевалась донага, ложилась на эту кровать и призывала Тринадцать.

– Кого? – спросила я на всякий случай, все еще боясь поверить своим самым смелым предположениям.

– Ну разумеется, мужчин! Причем все они были из разных племен: человек, эльф, гном, тролль, кобольд, оборотень, вампир, гоблин, леший, водяной, огневик, ветродуй и демон. Она отдавалась каждому и взамен получала часть его Силы... Естественным путем. Энергия пола, знаешь ли, всегда имела фундаментальное значение для занятий магией. Ежели ты понимаешь, доча, о чем я.

Я сидела, оглушенная свалившимся на меня знанием.

– Это значит, все лучшие ведьмы получали свою Силу через...

– Ну да. Через это самое место. А что в этом такого? Место как место, не лучше и не хуже других...

Да уж. Хорошо сказано.

Неужели я пойду на такую мерзость?

С эльфом, гномом... *С троллем!*..

– Баб Кать, да ведь троллей и эльфов не существует! – воскликнула я.

– Не волнуйся. Для Обряда Тринадцати эти похотливые мерзавцы почему-то во всех временах обнаруживаются.

– Нет, я не смогу, – решительно заявила я. – Это просто сексуальное извращение какое-то.

– Ну, если ты такая разборчивая, придумай что-нибудь поинтереснее, – проворчала гадалка и поднялась, чтобы зажечь керосиновую лампу (электричеством она принципиально не пользовалась).

Мне пришла в голову идея.

– А если с одним человеком... тринадцать раз? – с надеждой спросила я. – Что-нибудь получится?

– Получится. Большое удовольствие. И младенец, если не позаботиться о контрацептивах. Силу получают только тем путем, о котором я тебе сказала. Или...

– Или?

– Огненный Змей тоже может дать Силу. Только почему-то никто из ведьм у него ее не просит.

Вот мы и добрались до момента истины. И получили замкнутый круг. Так и суждено мне остаться ведьмой без Имени, потому что на групповуху я никогда не соглашусь. А это значит, что придется этому Змею кланяться! Не дождется!

Только надолго ли хватит моей принципиальности? Ведь, появившись сейчас хоть эта ведьма Наташа, я даже толком сражаться с нею не смогу. Поединок будет курам на смех.

Я встала.

– Благодарю за полученную информацию и вообще... за компанию.

– Да куда ты торопишься, посиди. Я сейчас самоварчик поставлю, чайку попьем, у меня с бергамотом.

– Нет, пойду. Я все-таки дождусь полнолуния, в книгах посмотрю об инициации что-нибудь.

Баба Катя грустно вздохнула:

– Я разве против? Эх, доча, я тебя понимаю. Только вряд ли ты что найдешь. А так – заходи. Погадаю.

– Не надо. Лучше уж я не буду свое будущее торопить. И уж тем более не хочу даже предполагать, что в нем меня ждут тринадцать похотливых извращенцев.

...В задумчивости спускалась я с крыльца. Два черных кота гадалки бабы Кати проводили меня всезнающими взглядами. А петух презрительно ухмылялся.

Картам надо верить. Иногда они говорят правду. Благодатную тишину моего рабочего субботнего утра, нарушаемую лишь прогуливающимися между полок с книгами читателями, вдруг разорвал длинный телефонный звонок. Я взяла трубку:

– Алло, библиотека слушает...

И в ответ:

– Вика... Вика, это ты?!

У меня перед глазами замелькали голубые и розовые бабочки... Этого не может быть. Я не хотела... Я...

– Я слушаю. – Голос у меня прерывается и отказывается повиноваться. – Кто это?

– Вика, это же я. – Голос в далекой телефонной дали робкий, недоумевающий и напряженный. – Я, Авдей. Здравствуй.

– Здравствуй...

И дыхание, которое струится по проводам, где-то там, уже отдалившись от нас, переплетаясь между небом и землей.

– Как тебе удалось не забыть меня? – еле шепчу я в трубку.

– Вика, что ты говоришь?! Не слышно! Милая, солнышко, пожалуйста, погромче!

– Я люблю тебя, – еще тише говорю я.

– Вика!.. О господи, не слышу ничего. Вика, я приезжаю сегодня. Извини, что раньше не смог. Экспрессом в восемнадцать тридцать. Ты меня встретишь?

Меня пронизывает запоздалый страх, что мое молчание Авдей истолкует как нежелание с ним увидеться, и потому ору в трубку:

– Да! Я приду на вокзал! Я буду ждать!

Он смеется:

– Ну наконец-то я слышу твой голос!

– И какой он у меня?

– Ве-ли-ко-леп-ный! Вика...

– Да?!

– Я хочу прочитать кое-что... Вот, написал тебе...

Будет твой витязь – и ласковый, да не пьяный,

Будешь другой – веселой да озорной.

Из-за тумана, из моря да океана

Явится он к тебе молодой весной.

Скажет, смеясь: «Отчего ты, царевна, плачешь?

Полно тебе вековать средь постылых рож!

Ты погляди, какова бирюза на платье,

Как этот цвет с очами твоими схож!

В алых кольчугах встанет моя дружина,
Грянет на свадьбе нам гордое «исполать»...
Знаешь, царица, ты подари мне сына,
Чтобы нам было кого своим солнцем звать.
Будет у нас не дом, а веселья чаша,
Будет у нас не двор – соловьиный хор...
И не поверишь ты, не припомнишь даже,
Как ты жила и жила ли до этих пор.

... Я стояла, стиснув трубку, затаив дыхание, боясь поверить в то, что я слышу его голос.

– Вика... Ты чего молчишь?

– Я... переживаю.

– В смысле?

– Ощущаю катарсис. Тьфу! Приезжай поскорее, а?..

– Да. Вика, скажи, ты случайно не волшебница?

Я слегка напряглась.

– Не *волшебница*. А что?

– Ты меня как будто приворожила. Я все эти дни только о тебе и думаю.

Я счастливо-облегченно рассмеялась. Ну разумеется! О главном он и не догадается.

– Это обычная магия женщины. Таких простых вещей не знаешь, а еще писатель.

– Ну, ты меня еще просветишь. Я надеюсь.

Мое внутреннее состояние приближается к щенячьему восторгу. Но... я же все-таки на работе, что люди подумают?

– Авдей, я очень хочу тебя увидеть.

И это сущая правда.

– Жди, – просит он.

И короткие гудки. Отбой.

Я наконец опускаю трубку и пытаюсь возвратиться к реальности. Внутри меня волнами ходят радость, страх, отчаяние и надежда. А вдруг он не придет? А вдруг заносы на дорогах?!

О чем я? Какие заносы – на дворе конец апреля!

На дворе – моя весна.

Все оставшееся до встречи время я ходила по городу, скромно прикрывая ресницами мои сияющие глаза. Мне кажется, что я переполнилась этим сиянием, и скоро оно выплеснется из меня через край, и кругом начнется непрекращающийся праздник. Во всяком случае, мое счастливое состояние мимоходом сотворило из заплыванной урны небольшой фонтан, а из кособокого киоска – благоухающий куст белой акации.

На вокзал я примчалась на сорок минут раньше, чем надо, пять раз успела изучить расписание прибытия поездов, почувствовала себя великолепно, почувствовала себя ужасно (а если у меня плохой макияж?!) и уже сходила с ума от нетерпения, когда из динамиков наконец донеслось:

– Экспресс прибывает на второй путь.

О, благословен будь, вокзальный диспетчер! Ты объявляешь о прибытии моего счастья и блаженства таким обыденным тоном! Как хорошо, что наша любовь прибывает точно по расписанию!

Я замерла у начала платформы, напряженно вглядываясь в хлынувшую из вагонов толпу, взглядом, сердцем выискивая Авдея. Черт возьми, любимый, почему ты не мчишься мне навстречу прямо по крышам поезда?!

Платформа медленно пустела, люди уходили к своим домам и возлюбленным, а вместе с ними уходила и моя надежда. Она ушла окончательно, когда я спросила у проходившей мимо дамы:

– Это последний экспресс из Москвы?

– Да.

Значит, Авдей не приехал.

Почему?

Мне стало так тоскливо, что хоть под поезд бросайся. Но этого я, разумеется, не стала делать. Я глубоко вздохнула, сосчитала до десяти, выдохнула и так чертыхнулась, что пара воробьев, попавших в эпицентр моего проклятия, превратилась в мятые пластиковые стаканчики.

С ума, значит, он по мне сходит? Скажите, пожалуйста!

А я не буду сходить.

Я мрачно посмотрела на вокзальную площадь. Видимо, обрадовавшись моему взгляду, ко мне подрулило такси.

– Куда едет девушка?

– В крепость.

Не знаю, почему мне захотелось поехать именно туда. Преступников тянет на место преступления, а несчастных влюбленных – целовать песок, по которому топтались обожаемые ноги.

Бревно, на котором неделю назад я сидела и любовалась сражающимся Авдеем, было на месте. Я села, закуталась в плащ и принялась считать кирпичи в стенах крепости. Какое-никакое, а занятие...

– Скучаешь?

Я резко обернулась. Ненавижу, когда ко мне подходят со спины, причем неожиданно.

Наверное, это было у меня во взгляде, потому что парень, спросивший меня, слегка попятился. Но именно слегка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.